

Нерассказанная сказка Шахерезады

Автор:

Ольга Володарская

Нерассказанная сказка Шахерезады

Ольга Геннадьевна Володарская

Никаких запретных тем. Остросюжетная проза О. Володарской

У Антона Рыжова было все! Успешный бизнес, иностранные партнеры, огромная квартира с зимним садом, экзотическая красавица-жена, сын.

Руслана работала поваром в кафе. Жила в крохотной квартирке. Безуспешно искала мужа.

Этих людей судьба столкнула на шоссе. Антон сбил Руслану на своем белом «Мерседесе».

И он сделал ей заманчивое предложение! Нет, не позвал замуж, а предложил место повара в своем доме. Руслана согласилась, хоть и с опаской. Готовить для людей из высшего общества ей еще не приходилось. Зря переживала – они оценили ее стряпню. Однако новая жизнь началась странно. К Антону пришла полиция с вестью о том, что предшественник Русланы убит. И все обитатели дома под подозрением...

Ольга Володарская

Нерассказанная сказка Шахерезады

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Володарская О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Пролог

Он переживал так, что стучали зубы.

Справиться с нервами не помогали ни алкоголь, ни никотин. Что уж говорить о дыхательной гимнастике. Кулик начал практиковать ее, когда был в завязке, чтобы справляться со стрессом. Тогда помогало. Точнее, он убеждал себя в этом. Получается, еще и самовнушением занимался.

Он налил себе водки. На закуску оливки, хорошо, не с лимоном. В желудке и так повышенная кислотность. Кулик не просыхал уже неделю. До этого лишь изредка прикладывался к рюмке. А большую часть жизни не пил совсем. И не курил. Без допингов мог чувствовать себя если не счастливым, то довольным. Он обожал свою работу и музыку. Был фанатом Вертинского. Слушал виниловые пластинки, собирал их. Но под хмельком не ставил. И поцарапать боялся, и не мог насладиться романсами. Затуманенный мозг этому мешал.

Кулик подошел к зеркалу, глянул на себя. Опух лицом, но похудел телом, что не удивительно. Он пил водку и только закусывал. Нормально поесть не

получалось. Готовить было лень, пищу из демократичной доставки он не воспринимал, а на ресторанные блюда не было денег. Но ничего, в ближайшее время у Кулика их будет столько, что он сможет нырять в груды золота, как мультипликационный утенок по имени Скрудж. Он тоже из птичьей породы.

Совсем скоро Кулик выйдет на сделку, после которой заживет.

Он снова посмотрел на себя. На лице мелкие порезы. Вот что значит бриться нетрезвым. Флакон с любимым одеколоном был под рукой, Кулик обрызгал себя.

Потом надел на запястье шикарный «Ролекс». Его он получил в подарок от большого французского политика.

Не считая опухшего лица, Кулик был хорош. Чист, брит, наряден. В таком виде и нужно встречать большие бабки. А их вот-вот подвезут. И необходимо отпереть дверь, чтобы они пришли беспрепятственно...

Кулик решил еще выпить и покурить. Стопка, сигарета...

Приятный ветерок влетел с улицы в окно. Водка начала-таки действовать. Пришел покой к Кулику.

Он закрыл глаза и стал напевать романс Вертинского. Он знал наизусть их все...

И вдруг!

Боль, адская боль разорвала голову. Кулик схватился за нее и увидел кровь. Она была густой, как желе, но ягодами не пахла.

«Я умираю? – удивился Кулик, поняв, что его ноги подкашиваются. – Как же так? Я должен вот-вот разбогатеть! И нырнуть в груды монет, как утка из мультика...»

То была последняя его мысль. Сознание померкло, и Кулик погрузился не в золото, а в абсолютную темноту...

Часть первая

Глава 1

Руслана, Лана, не считала себя проституткой. Другие – да. Те люди, что любили навешивать на прочих ярлыки. Раз спит с разными мужиками и иногда берет у них деньги, значит, шлюха. А Лана, меж тем в первую очередь искала любовь. Знакомясь с мужчиной, она надеялась, что это «тот самый» и делала все, чтобы ему понравиться. А так как самым лучшим, что у нее получалось, был секс, то она показывала класс в постели. И старания ее не оставались без внимания. Все, с кем она спала, отмечали, что она великолепная любовница. И звонили еще. Вот только хотели они всегда одного и того же – снова затащить ее в постель, не более. Как будто кроме своего горячего лона, умелого рта и пары отличных грудей она не может ничего предложить мужчине. Они категорически не желали видеть в ней личность. Кто-то говорил, сама виновата. Но Руслана не понимала, почему? Если она отдается заинтересовавшему ее мужчине в первый день знакомства и делает все, чтобы доставить ему удовольствие, это же не значит, что она пустышка! Неужели ломаки, мнимые девственницы, динамщицы, заслуживают больше уважения, не говоря уже о любви? И когда Лана понимала, что снова ошиблась, и метала бисер перед очередной свиньей, она обижалась. Сначала на мужчину, затем на судьбу. Впадала в короткую депрессию, а когда выходила из нее, то впредь соглашалась встретиться с тем, кто разочаровал ее, только за деньги. Так она мстила. А заодно зарабатывала. Хотя, в принципе, могла обойтись без дополнительного дохода. У нее имелась хлебная профессия – повар. А так как готовить она умела, то была на хорошем счету в своем кафе. Неплохо зарабатывала и домой еду таскала. Но деньги никогда лишними не бывают. Поэтому Лана брала их...

Серьезные отношения у нее были дважды. Первые – в ранней молодости, она вышла замуж, едва став совершеннолетней. Но брак продлился полтора года. Супруг категорически не желал обеспечивать жену, считая, что раз у них всегда есть в доме еда (Руслана после училища устроилась в заводскую столовую и таскала продукты сумками), то можно расслабиться и ничего не делать. Еще он отправил жену на аборт, когда она забеременела. Сказал, рано. Надо для себя пожить. Но получалось, что для себя живет только он, а Лана... для него!

Спустя семь лет в ее жизни появился новый мужчина мечты. Он работал водителем автобуса, и Руслана познакомилась с ним, когда возвращалась с работы. Увидела в зеркале его глаза и влюбилась. Орехово-карее, в окружении черных ресниц, она походила на два куска янтаря. Только сверкали ярче!

Она сама дала ему свой телефон – он не спрашивал. Сунула записку, перед тем, как выйти. Он позвонил спустя два дня. Они встретились и... Он остался у нее! Сказал, она женщина его мечты. Думал, таких не бывает, чтоб и симпатичная, и готовила прекрасно, и в постели была богиней. О том, что Лана еще имела свое жилье, пусть и весьма скромное, он умолчал. Хотя, как потом она поняла, именно оно сыграло решающую роль. Руслана – москвичка. Коренная. Не только она сама, но и ее родители родились в столице. А вот ее деда с бабушками приехали в Москву из таких замшелых провинций, что внуки даже представить не могли, где те населенные пункты, откуда родом их предки, находятся. Все работяги. Что деда, бабушки, что родители. Трудились честно всю жизнь. Вкалывали. Поэтому особых богатств не имели, но что-то нажили. Например, жилье. Когда получали его дед с бабушкой по линии отца, думали, что оказались в жо... не самом лучшем районе Москвы. Иначе говоря, на такой окраине, что если в масштабах страны ее рассматривать, то это почти та самая замшелая провинция, откуда они родом. Но годы прошли и... Оказалось, что район, когда-то считавшийся «задницей», стал если не престижным, то достойным. Двушка в нем стоила вполне прилично. И когда дед с бабушкой преставились, внуки, коих было трое, продав их квартиру, смогли очень хорошо поправить свое благосостояние. Ланина сестра купила себе дорогую машину. Двоюродный брат землю под участок. А она умудрилась приобрести комнату в общежитии гостиничного типа. Не самое лучшее жилье, конечно, но собственные тринадцать метров комнаты, плюс кухонька, туалет и кладовка. Душ общий. Но его можно втиснуть в гостинку. Был бы мужик с руками, так вообще без проблем.

Только ее любимый ничего делать в ЕЕ доме не желал. Вот если бы Лена прописала его, провинциала, тогда да. А так... Чего это ему стараться? Он свой труд и деньги в жилье вложит, а она себе другого найдет и вышвырнет его после. Он ей никто, просто сожитель бесправный. В словах этих был резон, и Лана начала подумывать о том, чтобы милого прописать, да вмешалась мама. Сказала, сделаешь так, лишу наследства. Ни в бабушкиной квартире (одна из двух была еще жива) доли иметь не будешь, ни в моей. Если бы Руслана в своем волооком водителе была уверена, наплевала бы на наследство. Любовь важнее! Но когда мужчина готов на тебе жениться только в случае, что ты его пропишешь, а начать что-то делать по дому намерен лишь после этого...

Возникают сомнения в искренности его чувств. Был у Ланы уже никчемный муж. Сидел на шее, не помогал, зато много требовал. Ладно, не оттяпал ничего при разводе, поскольку жили на частной, а ценных вещей не имели. Да и откуда им взяться, если работает только жена?

Еще полгода Руслана пожила со своим водителем. Но милый загулял, и... Нет, она не выгнала его, он сам ушел. Но с новой пассией не сложилось. Не так сытно, уютно было. Да и в сексе та оказалась не такой горячей. Думал вернуться к Лане, но она не приняла. Допустила до тела несколько раз, поимела немного денег, да и дала от ворот поворот.

Больше Лана не влюблялась. Ей нравились многие, если не сказать, все. Кто приласкает, тот и хорош. Она могла бы проникнуться серьезным чувством к одному из них, да ей не давали шанса. Ни один не отнесся с уважением, не захотел узнать ее, как человека, помочь просто так, без ожидания расплаты за это. Но хуже всего – мужчины бросали ее первыми. И те, с кем конфетно-букетный период длился аж несколько дней, и кому она отдавалась в вечер знакомства. И кого она просто просила повесить гардину или собрать шкаф, и те, кто давал деньги, чтобы для этого она наняла мужа на час. И симпатичные, и паршивенькие. И водитель, и начальник гаража. Последний был Ланиной гордостью. Видный, воспитанный, на «БМВ», пусть не новом. Он не приходил с пустыми руками, всегда фрукты, шампанское, торт. А не как некоторые: «Есть че пожрать?» Но, увы, женатый. Он тоже бросил Лану, посчитав слишком навязчивой, ведь такие дамочки – угроза благополучной семейной жизни.

О принцах Руслана не мечтала даже в детстве. А в зрелости и подавно. Бизнесменов или докторов наук у нее не было. Она прекрасно понимала, что богатого, как и очень умного, не заинтересует. Да и негде ей было с ними знакомиться!

В сказку Лана играла только в отпуске. Она брала его сразу на месяц. Неделю готовилась, а на три покупала путевку в Турцию. В дорогой отель, где не только сервис, но и красивые сотрудники, много магазинов на территории, и почти во всех продавцы мужчины. У Русланы в каждую поездку случались яркие романы. Ей говорили много красивых слов, совершали ради нее поступки. На ней даже жениться обещали. И первый раз она поверила. Но ее обманули, и она перестала относиться серьезно к своим турецким кавалерам. Некоторыми пользовалась по малости, отдавалась за подарочки, с другими играла в любовь.

...Руслане перевалило за тридцать, а жизнь не изменилась: та же работа, сомнительные кавалеры, гостинка с общим душем. На персональный она скопила, но решила не вкладывать деньги в свою халупу. Бабушке уже за девяносто перевалило, скоро ее внучкам перепадет наследство. Но старушка, хоть и жаловалась на здоровье ежедневно, на тот свет не торопилась. И переезжать не желала. Не в дом престарелых, нет! К дочке. Та предлагала забрать ее к себе, прописать, а квартиру продать, пока она не обветшала окончательно, и разделить деньги на троих. Бабка боялась, что ее обманет собственное чадо. Внукам же она тем более не доверяла. Обе проститутки! Только старшая, Люська, дорогая, живет хорошо, жирно, а младшая, Ланка, дешевая, даже душ не может себе сделать. Жир у нее только в боках. Бабка первая наклеила на Лану ярлык, остальные подхватили. К сестре же прозвище не прилипло, хотя и она не отличалась моральными принципами, могла и загулять, и мужика раскрутить, и стянуть у пьяненького любовника денежки из кошелька. Но выглядела как девушка-ромашка, поэтому никто о ней дурно не думал, одна бабка.

- Вот по?мру, делайте, че хо?чете, - неизменно отвечала она, окая, да еще коверкая слова. Столица ее не изменила, бабка оставалась деревенской, и внучки в детстве ее стыдились.

Но если на улучшение жилищных условий Лана все же рассчитывала, то на личное счастье... Увы и ах... Лишь слабо надеялась.

Женщинам их рода вообще с мужиками не везло. Бабкин супруг повесился. Мамин, отец Ланы и ее сестры, скоропостижно скончался, не дожив до пятидесяти. У Люси мужа посадили. Хорошо, не с конфискацией. Поэтому и жила более или менее. Не жирно, как считала бабушка, но приличнее, чем сестра. Но в отличие от Ланы не могла открыто гулять. Она воспитывала дочь (опять дочь!), ждала мужа с зоны и вела себя осторожно. Надеялась на счастье в будущем. Не таком и далеком - благоверному дали «всего» восемь лет.

...Как-то пятничным вечером Руслана вышла из кафе, в котором работала, с битком набитыми сумками. Заведение было большим, на первом этаже - столовая быстрого питания, на втором - два банкетных зала. В них устраивались и юбилеи, и бюджетные свадьбы, и поминки. Последнее, пусть и скорбное мероприятие, радовало работников больше, чем остальные. Готовить можно было без изысков, к сервису никто не придирался, более того, их благодарили бутылочкой или конфетками, а сколько можно домой продуктов унести! От

пятикилограммового куска мяса отрезать одну треть (они не нагтели, половину не зажимали), а из остального сварить и суп, и гуляш, а обрезки пустить на фарш для пирогов. С рыбой еще проще. Головы на уху, хвосты на икру. Они их проваривали с манкой, добавляли масла, намазывали на белый хлеб, накрывали долькой маринованного огурца и получались отличные бутерброды.

В ту пятницу Лана и поминки отработала, и в столовой на раздаче постояла. В итоге набрала продуктов и на ужин, и на завтрашний выходной, и впрок. Еще и бутылку кагора получила от скорбящей вдовы. На помин. Но устала жутко. Работа повара тяжела. Тут и жара, и тяжелые чаны, и суета, и травмы: то порежешься, то обожжешься, то уронишь на себя противень. В дорогих ресторанах, наверное, все иначе, но Лана туда не совалась. Привыкла пюре готовить да салаты витаминные, украшать все розочками из свеклы. А чтобы в топовое место устроиться, нужно для начала пройти обучение, получить сертификат, а, главное, произвести впечатление на шефа, чтобы он взял к себе хотя бы чистить овощи. Руслане было жаль денег на курсы, а очаровывать она умела мужчин простых и определенным образом.

«Приеду домой, – размышляла она, топая к метро с тяжелой сумкой, – сполоснусь, открою винцо, брошу в него кубики льда, закушу сыровяленой колбаской да оливье, сяду за ноутбук. В вечер пятницы многие мужчины грустят, поэтому ищут развлечения на сайтах знакомств. И тут я, чуть хмельная, готовая если не на все, то на многое...».

Мысли оборвались в момент, когда Руслана почувствовала удар. Он пришелся на бок. Сильный и стремительный, он свалил ее с ног. Лана рухнула на асфальт, выпустив сумку, и уже лежа наблюдала за тем, как из нее вываливаются продукты – контейнеры с готовой едой, пакеты с рыбой и курицей, помидоры, персики...

Как бьется бутылка кагора, и вино разливается. Его ей было особенно жаль, поминальное все же.

Чуть отойдя от шока, Лана хотела встать, но голова закружилась, и ей не удалось подняться. Упала снова. Да в красную винную лужу.

– Женщина, вам жить надоело? – услышала Лана сердитый мужской голос над своей головой. – Что ж вы в неподобающем месте дорогу переходите?

Руслана на «женщину» обиделась. Ей тридцать с небольшим, она еще «девушка».

Тем временем мужчина подошел к ней и помог подняться. Руки у него оказались очень сильными, и восьмидесятикилограммовая Лана пушинкой взметнулась вверх. Ее поставили на ноги и поддержали за плечи, пока она не зафиксировалась.

- Да вы вся в крови! - ужаснулся мужчина. - Что, так сильно ушиблись? Где болит?

- Болит все. Но это не кровь, а кагор. - И вяло махнула рукой в сторону разбитой бутылки.

- Если все, надо в больницу. Садитесь в машину, я отвезу вас.

- Не надо. На мне все как на собаке заживает.

- Это для моего успокоения. Чтоб угрызения совести не мучили.

Только тут Лана подняла глаза на мужчину. До этого она шарила ими то по телу своему, то по разбросанным продуктам, то по тротуару, с которого, замечтавшись, сошла раньше времени - до пешеходного перехода было еще метра три...

Итак, она подняла глаза и обомлела. Перед ней стоял принц! Высокий, красивый мужчина с густой седоватой шевелюрой и идеально выбритым подбородком. Одет как с картинки: костюм, галстук, рубашка цвета миндаля, она подчеркивает и загар, и цвет глаз.

«Нет, не принц, - возразила самой же себе Лана. - Султан!» - Она обожала турецкие сериалы про гаремы, и влюблялась то в одного героя, то в другого. Мужчина, что сбил ее, имел европейскую внешность с некрупными чертами лица. Ни тебе выдающегося носа, ни огромных глаз, ни густых бровей...

«И все равно султан, - простонала про себя Руслана. - Моего сердца!»

– Девушка, вы теряете сознание? – заволновался он.

– А?

– У вас взгляд странный.

Еще бы! Видеть перед собой такого красавца, стоять рядом, чувствовать тепло его руки (одной он все еще придерживал ее под локоток), вдыхать аромат его парфюма...

– У меня просто немного закружилась голова, – пролепетала Лана. Она отметила, что, рассмотрев ее, султан перевел пострадавшую в разряд девушек. Это радовало.

– Сотрясение, наверное. Говорю же, в больницу надо. Давайте я вам помогу в машину сесть, – и он повел ее к своему белому «Мерседесу».

Руслана сделала несколько шагов, но вспомнила о продуктах, разбросанных по дороге, и обернулась. Она прикидывала, какие из них можно спасти. Выходило, что курицу, рыбу, они в плотных пакетах, и те не разорвались, а еще икру минтая в банке и оливки. Да и сумку оставлять не хотелось. Она недорогая, холщовая, но удобная, вместительная.

– Собрать бы все, – сказала Лана султану.

– Я все сделаю, а вы садитесь. – И открыл перед ней дверь.

Она забралась в салон. Тоже белый. Только тут Лана сообразила, что может перепачкать все. Благо, в сумочке через плечо имелись влажные салфетки, и она стала вытирать руки, запачканные штаны, футболку. На всякий случай и кеды протерла, чтоб не наследить. В этом шикарном «мерине» даже коврики стоят, наверное, как персидские.

Султан быстро собрал все, что валялось, включая контейнеры и разбитую бутылку, закинул в ее холщовую сумку и... Швырнул ее в урну!

Запас продуктов на неделю перекочевал в мусорку, но Лана мужественно это стерпела. Другому бы мужчине таких словесных тумачков отвесила, что мало бы не показалось. Но разве можно упрекнуть в чем-то султана? Он просто не понимает, как это, подбирать с дороги продукты. Раз упали – на выброс. Как и запачканную сумку. А Лана бы ее постирала в машинке – ее она, благо, купила и подключила.

– Как вы тут? – спросил султан, вернувшись к «мерину» и открыв водительскую дверь.

– Нормально. Только пить хочется.

– Вода перед вами, открывайте. – И указал на бутылку «Боржоми», воткнутую в одну из ячеек панели между креслами. – Голова больше не кружится?

– Нет.

– С болью что?

– Коленку только саднит. И в боку ломит.

– В больницу...

– Не надо. Домой отвезите, а то я грязная, неудобно в метро в таком виде.

– Ладно, больше уговаривать не буду. Домой, так домой. Говорите, куда.

Она продиктовала адрес, он вбил его в навигатор, затем завел мотор. «Мерседес», тихо урча, тронулся. Стартовал быстро, но мягко.

– Вас как зовут? – спросил султан.

– Руслана.

– Интересное имя.

- Мальчика ждали. Руслана. А родилась я. Но меня все Ланой зовут.
- Что ж вы, Лана, под колеса машин кидаетесь? До перехода не доходите?
- Я задумалась. И устала, если честно. Две смены отпахала.
- А я, грешным делом, подумал сначала, что вы намеренно.
- Не поняла?
- Машина дорогая. С владельца такой есть, что поиметь.
- Но это же я нарушила правила. А у вас регистратор. Странно было бы что-то с вас требовать.
- Не все такие умницы, как вы, - улыбнулся султан. Зубы у него оказались белоснежными, ровными. - Многие на авось действуют. Кинулся под колеса, а там будь что будет.
- А вас, извините, как зовут? - спросила Лана, радующаяся уже не только «девушке», но и «умнице».
- Антон.
- Как прозаично! - едва не ляпнула она, но вслух сказала: - Мне от вас, Антон, ничего не нужно.
- Да я понял уже, извините. - Он включил тихую музыку. И это был мелодичный русский рок. - У вас сумка была полна продуктов, и они все пропали. Позвольте, я куплю вам что-нибудь взамен?
- Ай, перестаньте, - по-барски махнула рукой Лана. - Я повар, и у нашего брата всегда есть дома съестное.
- Но его же готовить надо. А вы устали.

Какой заботливый. И вежливый. Хозяин их кафе с простыми смертными через губу разговаривает, считает себя большим человеком, а этот султан с уважением.

– А вы хороший повар, Лана? – спросил вдруг он.

– Неплохой. Но я без изысков готовлю. А что?

– Я видел в контейнере рататуй. Очень он аппетитно пах.

– Вы об овощном рагу? Да, я умею его готовить. Главное, сначала кабачки чуть на мучке прижарить, тогда они не расплывутся.

Антон с улыбкой кивнул, затем заехал на стоянку супермаркета, что попался по пути.

Оставив Руслану в машине, он направился в магазин. Вернулся быстро. С картонным пакетом. Поставив его в багажник, уселся в свое кресло, пристегнулся и завел мотор. Лана надеялась на продолжение их ни к чему не обязывающей, но приятной беседы, но султану позвонили, и всю оставшуюся дорогу он говорил по телефону. Причем, по-английски, и Лана ничегошеньки не поняла.

Когда автомобиль остановился у ее задрипанной девятиэтажки, Лана почувствовала разочарование. Ей не хотелось выходить. Так бы ехала и ехала в шикарной машине со сногшибательным мужчиной... В закат!

– Вот и мой дом, – констатировала факт Руслана.

Он кивнул. Вышел из машины, обогнул ее и открыл перед Ланой дверь. Она стала неуклюже выбираться, Антон помог ей. Затем достал пакет из багажника, протянул.

– Всего вам доброго, Лана.

– И вам. Спасибо, что подбросили.

Она знала, что за ней наблюдают соседи. Те, кто считают ее проституткой, кто просто шалавой. На лавке во дворе компания пиво пьет, на подъездных балконах кто-то курит, на детской площадке мамочки выматывают своих детей, чтоб те быстрее заснули, бабки-сплетницы не гуляют, но торчат у окон, бдят.

Для них Лана и решилась на поцелуй. Короткий, в щеку, и все равно... Султан явно не ожидал от девушки такого, опешил. Но не отпрянул. Коснувшись губами его скулы, Руслана развернулась и быстро зашагала к подъезду. Проходя мимо пьющей пиво компании коротко бросила: «Добрый вечер» и скрылась за дверью.

Зайдя в квартиру, первым делом поставила греться воду. Потом умылась и стала разбирать пакет. Антон купил ей много всякой вкуснятины.

– Филе семги, телятина, лисички, – перечисляла Лана, выкладывая продукты на стол. – Это впрок. Что на сейчас? Роллы с угрем, рататуй, иначе говоря, овощная запеканка, салат какой-то диковинный, – его она решила попробовать в первую очередь. – Сыр бри и фета, фрукты, овощи, много зелени, бутылочка итальянского оливкового масла и... – Лана достала последний предмет, лежащий на дне и обернутый мягкой сеткой. – Красное вино из Франции!

Хорошая замена дешевому кагору. Им Лана и помянет покойного. Но после водных процедур.

В кладовке, куда ее соседи втискивали душевую кабину, она оборудовала помывочную. На полу пластиковое корыто. На расстоянии полутора метров от пола таз на подставке. Еще выше канистра с краником, туда она воду заливала. Каменный век, конечно. Но жить можно.

Помывшись, Лана облачилась в халатик, расчесала волосы: средней длины, рыжие. Она красила их хной. Брови и усики, довольно густые, выщипывала. Макияж любила яркий, но наносила его только вечером: на работе все поплывет. Одевалась призывно, и не только на выход. Даже сегодня на ней была футболка с очень глубоким v-образным вырезом. Если твоя грудь хороша, грех ее скрывать.

Открыв бутылку и контейнер с салатом, Лана села за стол. Выпила вина, поела. Налила второй бокал, намыла фруктов, после чего переместилась на кресло и открыла ноутбук. Пора на охоту!

Руслана листала анкеты мужчин, попутно отвечая тем, кто ей писал. Но чем дольше она сидела на сайте, тем хуже становилось ее настроение. Те, кто еще вчера интересовали ее, поблекли. Новые лица не впечатляли. Они были не просто не симпатичными, а глупыми, дегенеративными. Диалоги тоже удручали. Примитивные подкаты, невнятные или пошлые предложения, безграмотная речь.

Не желая того, Лана вспоминала Султана Антона и сравнивала завсегдаев сайта с ним. Интересно, где знакомятся мужчины, подобные ему? Явно не здесь. На приемах? Брифингах? В театрах? Путешествиях? В турецких пятерках Лана таких, как Антон, не встречала. Были приличные мужчины, но с семьями. А одинокие, богатые и красивые, по всей видимости, выбирают другие направления.

Когда настроение знакомиться пропало окончательно, Лана закрыла компьютер, налила себе третий фужер, включила турецкий сериал и смотрела его до ночи. Потом немного поплакала и уснула.

На следующий день Руслана встала, приготовила рыбу. Половину куска засолила, другую потушила для бабушки. Еще испекла ей пирог с яблоками и персиками, оставшимися с ужина. Сложила гостинцы и отправилась навещать старую ворчунью. Делала Лана это не часто, но раз в месяц считала своим долгом проведать бабуку. Чаше не то чтобы не могла, не хотела. От старухи слова доброго не дождешься. Не ругает внучку только когда ест. Поэтому Лана всегда с угощением приезжала.

У бабушки она пробыла недолго. Сбежала через час. Спасибо сестре, вовремя позвонила, и Лана наврала про срочный вызов на работу. Старуха не поверила. Решила, к очередному мужику поехала. Но она встретилась с сестрой, вместе они прошлись по торговому центру, купили по недорогой обновке, выпили кофе. Люся звала Руслану с собой. Она на работе познакомилась с командировочными сибиряками, веселыми мужиками при хороших деньгах, которые не прочь были провести вечерок в приятной женской компании. К удивлению Люси, сестра отказалась. И поехала к домой.

Добралась Лана к шести часам. Впереди целый вечер. А можно было бы и часть ночи зацепить, потому что завтра ей к обеду. Зря, наверное, отказалась от предложения Люси. Да, с сибиряками нет даже слабой надежды на перспективу.

Мало того что иногородние, еще и глубоко женатые. Но сидеть в свой выходной дома – это не ее стиль.

Так думала Руслана, бредя к подъезду. И ругала себя за то, что не купила шампанского. С ним вечер был бы не таким скучным.

– Здравствуйте, Лана, – услышала она знакомый голос и зарделась.

Султан ее сердца!

Это он зовет ее. И стоит рядом с темно-вишневым корейским внедорожником. Но где же белый «Мерседес»?

«Антон водитель, – предположила Лана. – Очень богатого человека. Или его личный помощник. Сам он тоже не бедствует, вон какую себе машину купил, но не миллионер, а, значит, у меня есть шанс...».

– Добрый вечер, Антон! – радостно воскликнула Лана и подошла к Султану. Сегодня он и одет был просто, в джинсы и футболку. На ногах кроссовки. Все фирменное, но не запредельно дорогое. – А где ваш «Мерседес»? Неужели я поцарапала его?

– Нет, с ним все в порядке. Стоит на паркинге. Я за город ездил, а туда лучше на джипе.

– У вас там дача?

– Дом. Но он уже не мой. После развода достался жене.

Не водитель. Не помощник. Богач. И разведенный!

– Лана, вы не очень сейчас заняты? – спросил Антон.

– Нет.

– Давайте выпьем кофе где-нибудь? Есть тихое местечко поблизости?

Она радостно закивала. Благо, возле их общаги были не только палатки с шаурмой да пивнушки, но и нормальные заведения, а все из-за близости вновь построенного на месте снесенных ветхих зданий жилого комплекса. На первом этаже одной из многоэтажек располагалась кофейня «Арабика».

Туда и поехали.

– Вы долго меня ждали? – поинтересовалась Лана, удобно разместившись на сиденье. В джипе она себя чувствовала вольготнее, в нем и просторнее, чем в спортивной тачке, и не так боязно что-то испачкать – салон черный.

– Минут двадцать. Я хотел подняться к вам, спросил у соседки с первого этажа, где живет Руслана, та сказала, что вас дома нет. Ушли утром и еще не вернулись.

– И больше ничего? – Она поняла, что Антон разговаривал с тетей Машей Пацук, первой сплетницей и скандалисткой.

– Предположила, что вы по мужикам таскаетесь, – хмыкнул Антон.

– Я навещала бабушку. Ей за девяносто.

– Лана, не стоит оправдываться. Вы имеете полное право проводить время так, как пожелаете. А стареющие соседки пусть вам завидуют.

«Неужели я ему нравлюсь? – осмелилась предположить Руслана. – Как женщина? А иначе зачем приехал? И ждал меня...»

– Какой симпатичный ЖК, – отметил Антон, подкатив к «Арабике».

– Да. И квартиры тут просторные. Однокомнатные по сорок пять квадратных метров.

– Хотели бы переселиться?

– Конечно. Но тут дорого. Не потяну. – Она приценивалась. И получалось, что даже получив свою часть наследства и продав гостинку, не наскребет на

квартиру в этом комплексе. Не меньше миллиона добавлять придется. Для нее это сумма космическая.

– А если будете больше зарабатывать?

– Если раз в пять, – хмыкнула Лана. – Но я не бренд-шеф. Обычный повар, пусть и неплохой.

– У вас есть коронное блюдо?

– Котлеты по-киевски, – без раздумий ответила она. С этим блюдом она выиграла городской кулинарный конкурс когда-то. – Да вообще любые котлеты я отлично готовлю. И рыбные, и печеночные, и капустные. Жареные, запеченные, паровые.

– Тоже есть секрет? – Он не забыл о кабачках для рагу, надо же.

– Да. Но для каждого котлет свой.

За этой беседой они зашли в кофейню и заняли столик у окна. К нему тут же подошла официантка. Она улыбнулась Антону, а на Лану посмотрела с недоумением. В ее глазах читалось: «Что ты, лохушка, делаешь рядом с этим прекрасным мужчиной? Кто ты ему? Не девушка же. Чудес не бывает!» А Руслана уже начала в них верить. Султан Антон заинтересовался ею...

А, может, и влюбился?

Испугавшись собственной наглости, Лана запретила себе думать об этом и сосредоточилась на выборе кофе и пирожного. Заказала латте и чизкейк. Антон взял двойной эспрессо и набор ягодных маффинов.

– А вы умеете делать десерты? – задал очередной вопрос он.

– Кексы с фруктами, вишней, изюмом с закрытыми глазами стряпаю. Считаю, те же маффины.

– То есть вы приверженец старой школы?

– Да. Но если что-то новомодное потребуется приготовить, сделаю. Благодаря интернету и рецепт легко найти, и технологическую карту.

– Вы, наверное, уже поняли, к чему я веду?

Руслана покачала головой. Думала, Антон поддерживает разговор на интересующую ее тему. И заодно лучше ее узнает.

– Хочу предложить вам работу, Лана.

– Работу? – переспросила она, будто не расслышала. И тут же схватилась за принесенную официанткой чашку, чтобы закрыть ею лицо. Руслана подозревала, что уголки ее губ разочарованно опустились.

– Да. Повар, что у меня работал, себя дискредитировал, и был уволен. Ищу ему замену, и мне кажется, вы идеально подойдете нам.

– Почему я? Вы не знаете, как я готовлю.

– Уверен, что прекрасно. Вы даже рассказываете о своих блюдах вкусно. И вы мне симпатичны, как человек. Я людей чувствую и набираю персонал интуитивно. Ни разу не прокололся.

– А как же дискредитировавший себя повар?

– Его нанимала бывшая супруга. Переманила к нам из какого-то модного ресторана. Ей нравились изыски, что шеф готовил.

– А вам?

– Я всеядный. Но предпочитаю простую пищу. Вы как про котлетки киевские рассказали, я только о них и мечтаю теперь.

– Могу я спросить, что натворил ваш повар?

– Стал наплевать относиться к своим обязанностям, халтурить, опаздывать, а я требую пунктуальности от работников. Ему было сделано три предупреждения. Еще одно и уволю, сообщил ему я.

– Снова опоздал?

– Просто не явился, но до этого запарол фуршет. Я отчитал его. Шеф психанул, покинул дом. Больше мы его не видели. Он даже за расчетом не явился. Запил, как я думаю. Он был кодированным и не употреблял несколько лет. Но из бара пропали две бутылки виски, и я сделал вывод, что шеф развязался. Сначала втихаря попивал и в меру, потом сорвался. – Антон взял с тарелки маффин, откусил от него половину и начал со вкусом жевать. – Так что, Лана, пойдете ко мне работать?

– Это очень лестное предложение, но...

– Нагрузка небольшая, готовить на несколько человек всего. Продукты отличные, любые по вашему требованию. Оформление через фирму. Соцпакет. Два выходных.

– Это все здорово, но я не работала личным поваром. Я привыкла готовить на поток.

– Так выйдите из зоны комфорта, научитесь новому. Измените свою жизнь.

Руслана колебалась. Она не привыкла охотиться за журавлями в небе, довольствовалась синичками, что шли в руки. И это касалось всего: и работы, и личной жизни, и быта. Даже безумные отпускные траты не были бездумными. Лана четко знала, сколько может себе позволить промотать. Она не занимала у родственников и друзей, не заводила кредитных карт. Брала отпуск только тогда, когда скапливалась нужная сумма. И ездила исключительно в привычную Турцию, хотя интересны были и Испания, и Италия.

– Я буду платить вам сто тысяч рублей первые пару месяцев, потом зарплату подниму, – выдал Антон финальный аргумент. – Переработка за дополнительную плату. По праздникам премии.

Руслана сейчас с горем пополам зарабатывала сорок пять. Да, на продукты не тратилась, домой с работы таскала, но что придется, а не то, чего хотелось бы. Получай она сотню, половину откладывала бы, на остальные жила. Да и ипотеку взять можно (зарплата официальная, Антон так сказал). А гостинку не продавать, а сдать. Вот тебе еще двадцать чистыми в месяц.

– Так что, согласны? – не давал ей продыху Антон.

– Да, но если я вам не подойду?

– Завтра утром жду вас. Приготовьте котлеты по-киевски с гарниром, куриные щи, сэндвичи или гамбургеры (гриль есть) и что-нибудь вегетарианское в стиле пан-азии. Продукты для вас будут куплены. После дегустации я скажу точно, приняты ли вы. Но я почему-то уверен, что вы идеально нам подойдете.

– Я завтра с обеда работаю. Так что прибуду утром.

– Как вам будет угодно. Диктуйте свой номер, и я скину вам адрес. Живу я возле метро, так что доберетесь без проблем.

Обменявшись телефонными номерами, они допили кофе и покинули «Арабику». Султану опять позвонили, и он заторопился. Руслана решила распрощаться с ним тут же, а до дома прогуляться. Ей требовались время на осмысление и бутылка шампанского для успокоения. Его Лана намеревалась приобрести в магазине жилого комплекса, а выпить дома за чтением рецептов вегетарианских блюд в паназиатском стиле.

Глава 2

Она ужасно спала ночью. Ворочалась, то и дело просыпалась, чтобы попить или сбегать в туалет. Еще шампанское пошло не очень хорошо, и напоминало о себе отрыжкой, оставляющей во рту кислый привкус. Не столько отдохнув, сколько измучившись, Лана встала с кровати в шесть тридцать утра, за полчаса до будильника.

Выпив чаю с бутербродом, вышла из дома. С собой взяла любимый нож, глубокую ложку из серебра, которой помешивала блюда, набор специй и блокнотик с подсказками. Она вела его с училища. На первых парах записывала элементарное, что сейчас держала в голове, потом секреты приготовления особо сложных блюд, составы соусов, а вчера дописала несколько новых рецептов.

Лана очень волновалась и мучилась неуверенностью. Ей казалось, у нее ничего не получится. Но еще больше ее пугало обратное: получится все, и ее примут. Нужно будет увольняться, договариваться с начальством, искать компромисс, поскольку она обязана будет отработать две недели, но полную ставку взять не сможет. Дальше больше: придется учиться по-новому готовить, в других объемах, привыкать к иным условиям и людям. Только одно радовало – то, что она часто будет видеть Султана своего сердца.

Жил он в самом центре. В старинном четырехэтажном доме. Лана нажала на кнопку домофона, ей тут же ответили. Спросили – кто, затем назвали этаж: третий. После этого массивная дверь открылась. Лана зашла в подъезд.

Женщина, с которой она до этого разговаривала, встречала ее на пороге. Высокая, очень стройная, она была просто, но элегантно одета. Брючный костюм пижамного типа, мокасины. Волосы пострижены под каре и оттенены платиной. Лане показалось, что они седые. Значит, женщине за пятьдесят? Но больше сорока не дашь: лицо гладкое, фигура девичья.

– Здравствуйте, меня зовут Мария, – представилась она. – Я домоправительница. Если вас возьмут, будете работать под моим руководством.

Лана только кивнула. Попав в дом Султана, она еще больше оробела. Такие хоромы она только по телевизору видела! Квартира занимала сразу два этажа, и была переделана, скорее всего, из четырех.

– Много тут комнат? – полюбопытствовала Лана.

– Девять, не считая кухни-гостиной и гардеробной. На чердачном этаже есть зимний сад.

– Ничего себе! – подивилась она. – А сколько здесь людей проживает?

– Постоянно семь. С некоторыми вы познакомитесь сейчас же. Пройдемте в кухню.

Разувшись, Лана последовала за Марией. По пути им встретилась полная маленькая женщина с миловидным лицом. Она шла к туалету, неся в руках накрытое тряпицей судно.

– Это Гуля, – представила ее домоправительницы. – Сиделка Василия Ивановича, отца Антона. А перед вами, Гуля, Руслана, повар.

– Чапай ждет не дождется твоих котлеток, – с улыбкой проговорила Гуля.

– Сколько раз я просила вас не называть Василия Ивановича...

– Чапаем? Так он не против.

– Откуда вам знать? Ваш подопечный не разговаривает.

– А я по глазам понимаю. – И скрылась за дверь.

– У Василия Ивановича был инсульт, – пояснила Мария. – Он почти не двигается и не говорит. Но к нему приходят физиотерапевт, и есть надежда на улучшение состояния. Папа Антона уже орудует правой рукой и ворочает шеей. Так что есть может почти самостоятельно. Это его радует, поэтому Василий Иванович с удовольствием принимает пищу, и я верю, что он ждет ваших котлет.

– А сам Антон дома?

– Да, спит. – И подняла глаза, из чего Лана сделала вывод, что его комната на втором этаже. – Велел разбудить, когда у вас все будет готово.

И вот, наконец, они оказались в гостиной. Огромная, светлая, с длинным столом, высокими стульями, ретро-буфетами и шикарной люстрой под потолком. Лана не очень разбиралась в дорогих вещах, но предположила, что она из венецианского стекла.

– Кухня там, – указала на широкий арочный проем Мария. Но Лана уже сама видела шкафообразный холодильник, остров разделочного стола, плиту, мощную вытяжку над ней.

– Большая, – оценила кухню она. В их кафе она была почти такой же по площади, а на ней готовилась еда для трех залов.

– Да, замучаешься убираться, – услышала она голос за спиной и обернулась. Перед собой увидела женщину с непомерно большой головой. Сама хрупкая, ручки, ножки крохотные, талию можно обхватить двумя руками, а венчает этот скелетик тыква. Увесистая, спелая, на таких вырезают рожицы в канун Хеллоуина. – Меня зовут Санти, – представилась «тыква». Она говорила с легким акцентом. – Я горничная и мне велели показать тебе, где что лежит из кухонной утвари.

– А так же Санти поможет поддержать порядок во время готовки, – добавила Мария. У нее было беспристрастное лицо, и все же Лане показалось, что горничная ей не нравится. – Если нужно будет что-то помыть, убрать, обращайтесь к Санти.

– Хорошо, спасибо. Я могу приступить?

– Конечно. Продукты найдете, открыв левую дверку холодильника. За сколько планируете приготовить завтрак?

– Сказала бы за час, но нужно сориентироваться на незнакомой кухне. Так что накину еще тридцать минут.

– Сейчас без четверти девять. Я приду в десять, чтобы узнать, как дела.

И удалилась с кухни.

– На сколько человек готовить? – спросила Лана у горничной, которая деловито выставляла из ящичков сковородки и кастрюли.

– Хозяев четверо, – ответила та, понаблюдав за тем, как повариха организовала свое рабочее место, разложив доски, расставив тарелки, достав из сумки нож,

ложку и специи. – Но рассчитывай на семерых, минимум.

– То есть еще на вас? – Она имела в виду и Санти, и Гулю, и Марию. Как раз семеро получалось.

– Нет, обслуживающий персонал питается самостоятельно. Но Антон очень гостеприимный, и приглашает к столу и партнеров, и ближайших помощников, еще часто столуются у нас физиотерапевт и супруга хозяина.

– Бывшая?

Санти кивнула. Руслана мысленно передернулась. Как тонкая шейка выдерживает вес огромной головы? У горничной, наверное, ужасный остеохондроз.

– А почему она приезжает сюда?

– Навещает сына. Он живет с отцом.

– У Антона есть ребенок?

– Тринадцатилетний Ярослав.

– Значит, Антон живет тут с отцом и сыном? – Лана за разговором не забывала работать. Она поставила воду для супа и риса. Разделала курицу для котлет и щей.

– И женой.

– Но она же только навещает...

– Это бывшая. Настоящая при супруге.

– А обручального кольца не носит, – заметила Лана. Она хоть и понимала, что у нее нет шансов с Антоном, все равно расстроилась.

– Церемония их бракосочетания была проведена в традициях другой страны, культуры и веры.

– Жена Антона иностранка?

– Да, – коротко ответила Санти.

– Вы тоже?

– Я – гражданка Российской Федерации. Мой отец славянин. Мама индуска. И да, у меня неизлечимая болезнь, – и ткнула себя пальцем в висок. – Думаешь, я не заметила, как ты ужасаешься, глядя на меня? Я, инвалид детства, но мне это не мешает жить. Я хорошо устроена, прилично получаю и у меня есть любимый человек, отвечающий мне взаимностью.

– Да я не...

Но Санти не пожелала слушать ее оправдания. Развернулась и ушла. Хотя должна была помогать.

Руслана не стала окликать ее, чтобы об этом напомнить. Пусть катится. Негативные флюиды портят не только настроение повара, но и блюда, что он готовит.

– И что-то я сомневаюсь в том, что ты в гармоничных отношениях, – пробормотала Лана.

Она готовила четверть часа, не забывая убирать рабочее место. А вот грязную посуду складывала в раковину. Раз выделили помощницу, пусть она и моет ее.

Прошло еще десять минут. Руслана поставила запекаться киевские котлетки. Суп варился. Баклажаны для вегетарианского блюда прижаривались, а рис был уже откинут. Остальные ингредиенты добавлялись сырыми – так было написано в рецепте. За суп, котлеты, пюре, салат витаминный (как без него!) и даже гамбургер Лана не переживала. Приготовит так, что хозяйка пальчики оближут, но в пан-азиатском блюде сомневалась. Она не только не готовила нечто подобное раньше, но даже не пробовала.

– Чем так вкусно пахнет? – услышала Лана за спиной и обернулась. Думала, Антон явился, голос был похож, но нет. Перед ней в длинных цветастых шортах и майке стоял очень полный подросток. – Здравствуйте.

– Доброе утро. Котлетами, наверное. Вы Ярослав?

– Ага, – парень подошел к столу, за которым Лана нарезала маринованные грибы. – Они еще не готовы?

Услышав отрицательный ответ, Ярослав недовольно насупился и сообщил, что голоден. Прозвучало это так:

– Жрать хочу.

– Потерпите. Скоро все будет готово. И ваши гамбургеры.

– А почему ты решила, что они для меня? – сощурил красивый зеленовато-карий глаз подросток. На лицо он был очень симпатичным, жаль, черты его заплыли жиром.

– Я ошиблась?

– Нет, скажи, почему? Из-за того, что я жирный?

– Лишний вес появляется не только от неправильного питания, но и из-за болезней, – примирительно проговорила Лана. Еще не хватало ей в первый же, проверочный, день ссориться с хозяйским сыном. А вот он не стал с поварихой церемониться:

– А у тебя от чего? Щитовидка, диабет?

– Я нажрала, – спокойно ответила ему Лана. – Так гамбургеры для... вас? – еле сдержалась, чтобы не «тыкнуть» Ярославу. – Молодежь их любит.

– Как скоро они будут? – проигнорировал вопрос он.

- Через четверть часа.

- А котлеты?

- Тогда же.

- Лады, - и, подняв со стула свой увесистый зад, подошел к холодильнику, раскрыл правую его створку и достал с полки сосиску. - Перекушу пока, - бросил он и удалился.

Но Лана ненадолго осталась одна. На смену Ярославу явилась Мария с проверкой.

- Почти все готово, - доложила Лана.

- Отлично. Антон проснулся и спрашивал. А где Санти? - Лана пожала плечами. - Эта женщина несносна, - возмутилась Мария. - Ничего по дому делать не желает!

- Почему же Антон ее не увольняет?

- Санти - любимица его жены. Она неприкосновенна, вот и борзееет. - Щеки Марии покраснелись, и она стала выглядеть еще моложе. Нет, ей не пятьдесят и даже не сорок. Тридцать шесть - семь. Но волосы точно седые, не осветленные, у них структура другая. - Санти, - крикнула домоправительница. Когда та не откликнулась, развернулась и стремительно зашагала к выходу.

Руслана хотела спросить, как подавать блюда, но не стала. Решила щи налить в супницу, «Витаминный» подать в салатнике, второе порционно, гамбургеры на подносе, а с азиатчиной пусть Мария разбирается. Или Санти. Рис наверняка для ее покровительницы приготовлен.

Вскоре появилась горничная. Ее конвоировала Мария.

- Посуда не вымыта, стол не накрыт, - отчитывала ее она, - а вы чаек попиваете.

- Имею право на завтрак, - вяло огрызнулась Санти. Точно оборзевшая!

- Немедленно приступайте к работе.

- Уже, - и первое, что достала из шкафа, так это керамическую тарелку в этно-стиле. Для риса, поняла Лана.

Вдвоем женщины быстро со всем справились. Повар раскладывала еду, горничная носила ее. До забитой раковины, правда, руки ее не дошли. Благо, имелась вторая, куда Лана могла складывать очередную партию посуды.

Закончив свою работу, она протяжно выдохнула. Отстрелялась! Присев на табурет, налила себе воды. Попила. Нет, она не устала. Физически точно. Но нервное напряжение ее не отпускало все эти полтора часа. Сложно выходить из зоны комфорта...

- Им все нравится, - сообщила Мария, явившаяся на кухню, чтобы заварить чай. За завтраком все пили воду и только Ярослав пепси. - Особенно котлеты.

Лана и сама видела это. Уплетали домочадцы ее стряпню за обе щеки. Даже Чапай, у которого половина лица была неподвижна, почмокивал с явным удовольствием. Еду ему резала и накладывала в ложку Гуля, но ко рту он подносил ее сам.

- Они всегда так плотно завтракают? - спросила Лана.

- Конечно, нет. Суп точно не едят. Но решили попробовать, пока он свежий. - Мария достала из хозяйской половины холодильника сок манго, налила его в графин. - Да и не собираются они за одним столом.

- По утрам?

- Вообще. У всех разные графики.

- Сегодня они ради меня...

- Вашей стряпни, - поправила ее Мария. - Но нет. Есть иная причина. Если вас оставят здесь, узнаете, какая.

– А супруга Антона почему не со всеми? – не смогла сдержать любопытства Лана. Керамическую тарелку с рисом Санти понесла куда-то.

– Об этом тоже.

И прекратила разговор. А Лана сполоснула нож и ложку, что принесла с собой, вытерла и убрала в сумку. Туда же специи и записную книжку. Форма так же у нее была своя: китель, шапочка. Их она снять не успела, как в кухню зашел Антон. Сегодня он был в шортах, похожих на те, что носил его сын, только однотонных, футболке и тапках. Выглядел по-домашнему расслабленно, и таким понравился Руслане еще больше.

– Лана, примите мои комплименты! – воскликнул он. – Вы просто потрясающий повар.

– Спасибо, – смутилась Лана. Ее стряпню обычно хвалили, но то обычные люди, не богачи. Те, для кого жульен и заливное – блюда высокой кухни. Именно эти два блюда подавались на банкетах, что проводились в их заведении.

– Мы так соскучились по простой, но вкусной пище.

– А как вам рис с овощами и грибами? – как будто она не видела, что сидящие за столом его не ели.

– Санти сказала, мало остроты, но это же поправимо?

– Конечно. Мне бы хороших специй.

– Я закажу их для вас в Пакистане. Те, что имелись в доме, ваш предшественник спер. Оказывается, он не только алкоголь потаскивал.

– Зачем они ему?

– В Москве таких не найдешь. Я достаю через хороших знакомых в Исламабаде. Кстати, нужно им позвонить, пока не забыл. – Он похлопал себя по карманам, ища телефон, но его в них не оказалось. – Так что, Лана, когда приступаете к работе?

– Мне нужно поговорить с нынешним работодателем.

– Понимаю. Надеюсь, проблем с ним не возникнет. Но если что, звоните, я пришлю своего юриста, и он...

– Нет, нет, я все улажу сама. – Еще не хватало со скандалом уходить! – Когда я сделаю это, куда позвонить?

– Мария даст вам свой номер. Еще раз спасибо, Лана. И до свидания.

Он вышел из кухни. Вскоре это сделала и Руслана. Поговорив с Марией, она покинула дом Антона Рыжова.

Сразу она отправилась в свое кафе. Отработала в нем. А вечером пришла на аудиенцию к хозяину Армену. Тот ценного работника отпускать не желал. Сначала сулил прибавку, потом грозил увольнением по статье. Остыв, предложил выпить армянского коньячку и спокойно поговорить. Так и сделали. А еще переспали. Армен и раньше приставал к Лане, впрочем, как и ко многим женщинам-работницам, но она ему отказывала. Не потому, что не нравился, Армен был интересным мужчиной и неплохим, хоть и чванливым человеком, но Руслана видела, с какой легкостью тот увольняет надоевших ему бабенок и не отдавалась ему не из принципов (на работе и с женатыми ни-ни), а повинувшись инстинкту самосохранения. Теперь же ей терять было нечего!

В итоге она получила и неплохой секс, и расчёт. Правда, Армен обязал ее отработать на нескольких банкетах, но Лана против этого не возражала. Лишние копейки не помешают, как и халявные продукты – на новом месте ей вряд ли удастся что-то откладывать для себя.

Глава 3

Она ненавидела ночи...

Бесконечные, темные, душные. Они становились такими, даже когда на сон оставалось несколько часов, в спальне горел свет и работал кондиционер.

Сейчас было девять вечера. Еще есть время на спокойствие. Нервничать Мария начнет где-то в одиннадцать, когда до полуночи, особенно пугающей ее, останется всего ничего. Она никогда не засыпала раньше. Вымотанная, больная, напичканная снотворным, Мария встречала полночь в полном сознании, и только потом забывалась, но ненадолго. Страхи душили ее, и она вскакивала вся в поту, сипло дышащая, порой плачущая. На рассвете спалось спокойнее. Пожалуй, Мария только в эти пару часов и отдыхала, но когда утро вступало в полную силу, пробуждалась. Скорее всего, от радости: еще одна ночь пережита.

– Мари, это ты? – донесся до нее голос Антона. Только он называл ее так. – Опять сидишь в потемках?

– Люблю полутьму, – ответила она.

Он подошел к ней, сидящей под финиковой пальмой в плетеном кресле. Сел на соседнее. Она не включала света в зимнем саду, довольствовалась тем, что проникал через узкие чердачные окна. Он был тусклым, розоватым, очень уютным. Через несколько минут, когда солнце сядет, помещение погрузится в темноту, и Мария нажмет на кнопку торшера, стилизованного под уличный фонарь. Он стоит возле ее кресла.

– Почему не идешь домой? – спросил Артем. В его руке был стакан с виски.

– Решила задержаться, чтобы убедиться, что с Василием Ивановичем все в порядке. – У старика сегодня был приступ.

– Он спит после укола. Состояние стабильное.

Помолчали. Антон сделал глоток виски. Кубики льда бодро звякнули. Марии нравился этот звук. И запах выдержанного виски. А еще его янтарный цвет. Жаль, она не могла оценить вкуса, поскольку не пила совсем. Даже после стопки коньяка у нее начинались панические атаки, и ночь, бесконечная, темная, душная, наступала среди бела дня.

- Звонила Руслана, – сообщила Мария. – Готова выйти послезавтра.
- Отлично. Я подумаю, что хотел бы поесть, и скажу тебе, какие продукты купить.
- Меня удивил твой выбор повара, честно сказать.
- Почему?
- Ее уровень – столовка.
- Мне понравилось, как она готовит. – Еще глоток, и бодрое дзюнь.
- А я не только о кулинарных способностях. Об отношении к работе, добросовестности, честности.
- Хочешь сказать, все работники столовых воруют?
- Их жизнь заставляет. Зарплаты у них небольшие. Но это входит в привычку. И сколько им не плати, будут тащить. Как и делать на отшибе. В столовых безотходное производство. Из переваренного сделают запеканку, горелое срежут, вчерашнее освежат соусом.
- Последи за ней первое время. Укажи на недочеты. А что касается воровства... – Третий, большой глоток. На дне только лед, одинокий, от этого грустный. Он не звенит, а клацает, как резко сомкнутые зубы. – Уверен, Лана не будет в нем замечена. Я дал ей понять, что не терплю, когда мои работники потаскивают. Она девушка умная, сделает нужные выводы.
- Умная? – переспросила Мария и, задрав голову, посмотрели на последние лучики солнца, бегущие по потолку.
- Не очень хорошо образованная, но сообразительная. Мне Лана симпатична.
- И это меня тоже удивило. – Антон включил торшер и вопросительно на нее воззрился. – Лана очень мне напомнила твою бывшую, к которой ты относишься, мягко говоря, негативно.

– Лана совсем не похожу на Жанну, – горячо возразил он.

– На теперешнюю да. Но ты вспомни, какой она была, когда вы познакомились. Полноватая, простоватая, нелепо одетая...

Мария тогда не работала на Рыжова, они были приятелями. В детстве друзьями. Но на долгое время потеряли друг друга из виду, а в молодости снова встретились и начали довольно тесно общаться. Жанну Антон представил ей на какой-то вечеринке. Назвал невестой. Мария не поверила ушам. Рядом с Рыжовым всегда были эффектные девочки, обычно модели, а Жанна хоть и симпатичная, но совсем не яркая. Но в глаза бросилось не это. Жанна вырядилась как пугало, нацепив на себя все лучшее сразу. На фоне пижона Антона смотрелась гротескно.

Мария едва сдержалась, чтобы не спросить: «Из какой деревни ты это чудо вывез?», но потом выяснилось, что Жанна москвичка. Ее воспитывала профессорша синий чулок, родившая дочь в очень зрелом возрасте. Модно одеваться не разрешала, как и ходить на дискотеки и вечеринки. Девушке можно было только учиться. И наукам, и музыке. Но ни то ни другое ей не давалось. Жанна выросла посредственностью – таково было мнению матери, которая умерла, когда дочке исполнилось двадцать. Та тут же бросила институт, а на сбережения родительницы накупила ярких шмоток, украшений. Жанна и в клубы начала ходить. Но не знала, как себя там вести, поэтому попадала в неловкие, а иногда опасные ситуации. Из одной ее выручил Антон. Жанну пытались увезти с собой два парня, которые до этого угощали девушку коктейлями, он вступился за нее. Так и познакомились.

– Помнишь, как Жанна робела, переступая порог дорогих ресторанов и домов твоих друзей? – Антон принадлежал к золотой молодежи. – Точно, как Лана сегодня. Она шла по квартире с оглядкой, боясь что-то задеть и уронить. Тогда-то она мне твою бывшую и напомнила.

– Не вижу никакого сходства.

Едва он произнес эту фразу, как в зимний сад забежала Санти.

– Антон, вас жена зовет! – выпалила она. В доме Рыжова вся прислуга обращалась к нему по имени, без отчества. Он на этом настаивал.

– Иду, – откликнулся он.

– Я чай заварила. Поднос у двери на столике.

Рыжов кивнул. Супруга пила вечерний чай, не крепкий с молоком, в постели. Обычно его подносила ей Санти, но иногда это делал Антон.

– Она сегодня не покидала свою комнату? – спросил он, поднявшись с кресла.

– Нет.

– А ведь я для нее этот сад сделал, думал, порадую...

– Знаю.

– Ладно, не будем о грустном. Спокойной ночи, Мари.

Увы, о такой ей только мечтать приходится. Но Антон об этом не знает. Как и никто другой, кроме ее психотерапевта.

Она посмотрела на часы: почти половина десятого. Надо бы собираться домой. Жила Мария недалеко от Антона. Четыре остановки на метро или сорок минут пешком. В хорошую погоду она всегда ходила. И утром, и вечером. В начале дня – чтобы взбодриться. В конце – дабы устать и хотя бы в постель лечь с удовольствием. Жаль, сон после нагрузок лучше не становился, иначе Мария еще бы и спортзал посещала после работы.

Сегодня был ужасный день, поэтому она поедет на такси. Да, погода хорошая, а метро в пяти минутах, но Марии не хотелось оказываться в толпе. И на улицах, и в подземке полно народа, шум, суета, толкотня, раздражающие запахи, а ее нервная система требует покоя.

В полдень к Рыжовым приходил адвокат. Поэтому они и собрались за поздним и весьма сытным завтраком все вместе. Поев, стали ждать юриста. Дед, отец, сын:

в завещании покойного брата Василия Ивановича Геннадия были указаны все трое. Он умер полгода назад, но завещание велел огласить только спустя шесть месяцев. Хотел, чтобы помучились? Наверняка. Покойный был крайне неприятным человеком.

Геннадия Ивановича Рыжова в семье Василия ненавидели. Все пошло от вражды двух братьев. Они поругались, будучи молодыми мужчинами. Когда умерли их родители, старший, Василий, работал за границей. Жил в Пакистане с женой и ребенком. На похороны приехать не смог. Могилы навещал только семь месяцев спустя. Тогда и узнал, что все имущество Геннадий присвоил себе и делиться с братом не собирается. Василий воспринял это спокойно, его государство обеспечивало жильем, транспортом, питанием, они оба с женой работали и хорошо получали. Но когда Рыжовы в середине девяностых вернулись в Россию, остались ни с чем. Ни квартиры, ни машины, ни стабильной зарплаты – тогда ее задерживали всем, в том числе госслужащим. И воззвал Василий к совести брата. Но тот не только не поделился родительским добром, даже не пустил родственников пожить в квартире или на даче. Тогда они впервые серьезно поругались и перестали общаться.

Трудные времена Рыжовы пережили сносно. Им дали общежитие, вскоре и квартиру (все благодаря дружеским связям отца). С деньгами тоже проблем больше не было. Василий открыл на имя жены фирму и стал возить в Россию ткани из Пакистана. Дело оказалось прибыльным, и Рыжовы хорошо зажили.

И все же Василию не давала покоя мысль о том, что брат нагло все себе присвоил. Ему самому ничего не было нужно, но у него сын-жених, тогда как Генка холост и бездетен. Зачем ему сразу две квартиры и огромная дача? Ладно бы ездил туда, так нет. Сдавал на лето, а зимой она ветшала. Но недвижимостью еще не все. Родители братьев имели отличную коллекцию медной посуды и утвари. Ее еще бабка, дочь купца-миллионщика, начала собирать. В ней и солонки, и табакерки, и ложки, и турки, и восточные лампы. Последние привозил Василий из Пакистана и Индии, дарил маме. Но она погибла вместе с мужем в автокатастрофе, каким-то образом успев завещать все движимое и недвижимое младшему сыну. Хотя вполне возможно, тот документ подделал, но этот факт не был доказан.

Василий сделал попытку к примирению. Генка общаться был не против, но делить наследство по-прежнему отказывался. И на свадьбу Антона не пришел, хоть и приглашали. Но вдрызг, до проклятия, разругались братья не из-за этого.

Геннадий всю жизнь проработал журналистом. При СССР для «Правды» писал (папа его туда пристроил, на хлебное место), восхвалял Коммунистическую партию, освещал съезды, а как перестройка наступила, резко сменил политические взгляды и стал работать в либеральной газете. Потом возглавил журнал «Оппозиция». Брал интервью у видных молодых политиков, к одному из них прибил, чтобы возглавить его предвыборный штаб. Геннадий был уверен, его работодатель станет президентом, а он при нем пресс-секретарем. Но увы, тот погиб за месяц до выборов. Пьяным упал с крыши. Но Гена, естественно, поднял бучу, крича на всех углах о том, что перспективного политика убрали. Не стал он пресс-секретарем. И, как журналист, стал менее востребованным. Пришли другие времена и новые люди – молодые, горячие, иначе обученные профессии. До пенсии доработал Геннадий в каком-то заштатном журнальчике. А когда вышел на заслуженный отдых, решил книгу мемуаров написать. В ней обо всем: и о семье, и о работе в «Правде» и об «Оппозиции», а, главное, о безвременно ушедшем молодом политике, что мог сделать Россию великой, да не дали вороги соколу взлететь.

Долго писал книгу. Три года. Еще столько же по издательствам носил – не брали в печать. Пришлось за свой счет выпускать. Небольшой тираж Геннадий стал продавать через интернет. Антон купил экземпляр, подарил отцу. Тот, как прочел, из себя вышел. Брат в мемуарах коснулся и его, и отца их. Первого называл оголтелым комунякой, зомбированным фанатиком, а второго чекистским стукачом. Василий и правда сотрудничал с КГБ, когда работал в Пакистане, но кто этого не делал?

Взбешённый Василий поехал к брату и набил ему морду. Вернулся домой с головной болью. В тот день у него случился первый инсульт. Потом был второй. Третий, самый серьезный, четыре месяца назад. К тому моменту Геннадий уже был мертв. Всю жизнь мучился желудком. Заработал язву, исхудал до размера щепки. Она его и сгубила.

Василий не поехал на похороны. Брат для меня умер давно, сказал он (тогда еще мог). А Антон не стал игнорировать печальное событие и выполнил родственный долг. Даже венок от членов семьи на могилу возложил. Там-то, на похоронах, он и встретил адвоката Геннадия. Такого же старого и худого, как дядя. Тот был и юристом, и нотариусом, и душеприказчиком, и, похоже, единственным другом покойного. Звали его Назаром. Фамилия Нетребко. И сегодня он был в доме Рыжовых, огласил завещание и довел Василия до приступа. Не сильного, раз старика не госпитализировали, но он в том возрасте и состоянии, когда всего

нужно опасаться.

– Неужто Крокодил ничего не оставил Чапаю? – услышала Мария голос из-за кадок с самшитом. Они стояли в ряд, закрывая уродливую дверку, ведущую на крышу. Демонтировать ее запретили коммунальные службы, при работах могла повредиться кровля. – Кому тогда, если не ему?

– Антону или Ярику, – последовал ответ.

– Не. Чапай тогда бы так не распереживался.

Крокодилом Геннадия называл сам Василий Иванович. Когда вышел мультфильм про Чебурашку и его друзей, студент журфака Геннадий Рыжов носил шляпу и длинное пальто, как крокодил Гена. Так прозвище и приклеилось.

Потянуло табачным дымом. Гуля и Санти курили в саду, приоткрыв дверь. Марию они не видели.

Женщины между собой не очень ладили, но с кем еще посплетничать, как ни друг с другом?

– Как тебе новая повариха? – продолжила диалог Санти. Она не выговаривала букву «р», и последнее слово прозвучало как «повавиха». – Что о ней думаешь?

– Шлюха, – безапелляционно заявила Гуля. – Будет ко всем, кто в штанах, подкатывать.

– Мне показалось, она втюрилась в Антона.

– Такие, как она, влюбляются в принцев, а спят со всеми его придворными. Так что за своим Герасимом приглядывай.

Мария поняла, о ком они: о садовнике Ильджасе, он был немым. Когда-то он трудился на садоводческом рынке разнорабочим и грузчиком. Антона тронуло то, с какой любовью мужчина относится к растением, как чувствует их, и он взял Ильджаса на работу. Тот приходил в дом четыре раза в неделю, а жил вместе с такими же гастарбайтерами, как он, в квартире-общежитии. Им же помогал на

стройке в свободное от основного занятия время. Все деньги отправлял домой, семье. Мария и не догадывалась о том, что между садовником и горничной что-то есть. При ней они почти не общались.

– Я в Ильджасе уверена, – ответила Гуле Санти.

– Зря, – бросила она и, как думалось Марии, пожала пухлыми плечиками. У нее был богатый язык тела в отличие от мимики: застывшая улыбочка и ничего больше. – Повариха москвичка с собственным жильем. С ней кувырнуться можно, когда и где угодно, а не только втихаря и по-быстрому. Вы же тут, в саду, грешите? Больше негде, у нас с тобой одна комната на двоих.

– Не твое собачье дело, где мы... – и осеклась, не желая употреблять слово «грешим». – И вообще, пошла... в задницу!

Гуля ответила смешком. Она была очень саркастичной, недоброй на язык женщиной. При этом никогда не психовала, не срывалась на крик в отличие от Санти. Жалила прицельно и хладнокровно. Тех, от кого не зависело ее благополучие, открыто. Рыжовых исподтишка. Мария считала, что таким работником не место в доме, но Гулю не увольняли, потому что она отлично справлялась со своими обязанностями. С Василием Ивановичем было непросто, особенно сейчас, когда он начал двигать рукой. Мог ударить, кинуть что-то. Но и когда лежал, проявлял дурной характер: в памперсы не ходил, терпел, но стоило их снять, давал организму волю. До болезни он таким не был. Но хворь калечит не только тело...

Мария встала с кресла и проследовала к выходу. Замерев в проеме, кашлянула. Решила сделать вид, что только зашла в сад и не слышала разговора женщин. Санти, которая видела ее тут с Антоном, наверняка думала, что домоправительница покинула его вместе с хозяином, иначе не молела бы языком. Шашни между всеми работниками Рыжова, не только прислугой, но и офисными, запрещались, а она призналась в связи с садовником.

– Ой, а вы разве не ушли? – испуганно спросила Санти, выскочив из-за самшита.

– Вернулась, чтобы напомнить о ваших обязанностях. Завтра смена белья, а оно не глаженное.

– Да, я сейчас займусь.

– Но сначала хорошенько проветрите. Дымом пахнет. – Курить в доме тоже запрещалось. А все из-за Чапая, который был вынужден бросить, от чего страдал. – Доброй ночи.

– И вам.

– И мне... бы, – тяжело выдохнула Мария, уходя.

Глава 4

Еще одна ночь позади!

Мария выключила настольную лампу, затем кондиционер. Подошла к окну, выглянула на улицу. Погода испортилась. Вчера было солнце, а сегодня небо серое, низкое. Дождя нет, но, скорее всего, будет. Это ничего, под дождем Мария любила ходить. Не под ливнем, конечно, но если покрапывало, ей нравилось. Капли успокаивающе постукивали по зонту, в мелких лужах плавали веселенькие бензиновые пятна, пахло свежо...

Она приоткрыла форточку, впуская в помещение воздух с улицы. Мария жила на втором этаже, и до нее доносился аромат цветов, росших на клумбе, разбитой во дворе пожилой соседкой с первого. Дачи у нее не было, а к земле тянуло, вот и облагораживала территорию. В зиму намеревалась высадить кустарник и голубую ель.

Зазвонил телефон. Мария взяла его с прикроватной тумбочки.

– Привет, надеюсь, не разбудил? – услышала она голос Антона. Знал бы он, как рано Мария встает, не спрашивал бы.

– Доброе утро.

– Свяжись, пожалуйста, с Русланой. Напомни, чтоб не забыла завтра взять с собой документы. Еще я скинул тебе список блюд, которые ей нужно будет приготовить. Купи продукты для них.

– Хорошо. Как Василий Иванович себя чувствует?

– На удивление хорошо. Потребовал на завтрак котлету и еще что-то, мы не поняли.

– Журнал «Танки Великой Отечественной». Он выходит в конце месяца, и наверняка уже пришел. Пошли Санти или Гулю к почтовому ящику.

– И что бы я без тебя делал!

«Что бы Я без ТЕБЯ делала? – вернула ему вопрос Мария. Естественно, мысленно. – Сошла бы с ума или наложила на себя руки...».

Работой у Антона она спасалась. Поэтому почти не брала выходных.

Устроилась Мария к нему вскоре после того, как Рыжов развелся. Сначала по-приятельски помогала. Жанна, расставшись с мужем, переехала в Италию. Доставшийся ей особняк сдала. Сына оставила с супругом.

Мария пришла навестить Антона и обалдела. В квартире творился бардак. Многочисленная прислуга только делала вид, что работает. Особенно нагтели горничные. Мало того, что ужасно убирались, так еще подворовывали. Старшая, совершая закупки, подделывала чеки. Повар выпивал. А дворецкий просто ничего не делал. Взять его в штат было прихотью Жанны.

Она попросила разрешения навести порядок. Антон дал добро. И Мария уволила всех, кроме повара. Но тому пришлось закодироваться. Затем она наняла двух горничных: одну постоянную, вторую приходящую. Нашла для десятилетнего Ярика няню: Антон постоянно пропадал на работе, Василий Иванович тогда еще жил отдельно, а оставлять ребенка одного было неправильно. Сменила сантехника, обслуживающего квартиру. Проверила счета, оказалось, по ним не плачено уже полгода. Раньше домашние дела вела Жанна. Не очень хорошо, коль набрала какой-то сброд, но худо-бедно. Антону же было не до этого. Во-

первых, работа, во-вторых, переживания. Он не хотел разводиться, уговаривал супругу передумать (это была ее инициатива), готов был простить измену и согласился на то, что второго ребенка будет вынашивать суррогатная мать. Но Жанна была непреклонна, и Рыжовы расторгли брак.

Второй раз Антон женился спустя полтора года. Привез супругу из Пакистана. Поехал по делам доставшегося от покойной мамы и расширенного бизнеса, а вернулся не только с новыми контрактами, но и с супругой.

Опять неподходящей!

Никак Антон не мог понять, что та, кто делает его счастливым, находится рядом. Это Мария, женщина, которая любит его уже многие годы...

Закончив разговор с Антоном, она вернула телефон на тумбочку и отправилась в ванную. Контрастный душ, маска, макияж, прическа – на это она тратила больше часа. Безупречный внешний вид для Марии был очень важен. Каждое утро она начинала с ритуала наведения красоты. А выходные посвящала походам в салон.

Включив воду, она скинула с себя шелковую сорочку, трусики. Хотела шагнуть под душ, но замерла у зеркала. Фигура уже не та. Попа утратила рельеф, талия стала шире, грудь чуть провисла. Не удивительно, ведь Мария совсем не занимается спортом. И все же она хорошо выглядела: стройная, пропорциональная, с гладкой белой кожей. Фигура сохранилась лучше лица, это очевидно. Бессонные ночи не прошли даром, оставив на нем отпечатки. Без ухода Мария выглядела бы старше своих лет. У нее были бы нависшие веки, синие мешки под глазами, опущенные уголки губ.

Передернувшись, Мария забралась-таки под душ. Она себя не покрашенную едва терпела. Даже дорогостоящий уход не делал кожу безупречной, а глаза выразительными.

Когда через полчаса Мария приступила к макияжу, то почувствовала себя умиротворенной. Ужасы ночи забылись, пот смылся, как и слезы, лицо засияло благодаря маске и тонкому слою выравнивающей основы.

Из дома она вышла уже при полном параде: покрашенная, с красивой прической, в приталенном пиджаке и узких брюках. Мария была идеальной вешалкой, на

которой смотрятся любые фасоны, но предпочитала она женственные силуэты. Но на работе переодевалась в одежду, не сковывающую движений. Тоже элегантную, модную, но не облегающую.

Дождь все еще собирался, и, чтобы успеть до него, Мария воспользовалась метро. Гулять она собиралась до того, как узнала о том, что нужно купить продукты. Основную их часть она брала в супермаркете, но за чем-то заезжала на рынок. Там дороже, но вкуснее, и уже есть свои продавцы.

Когда Мария прибыла в квартиру Рыжова, обнаружила в ней гостью. То была Жанна, бывшая супруга Антона. Она сидела в гостиной, попивая кофе. Ярослав находился рядом. Он хрустел чипсами и пялился в телефон. Как все подростки, он был от него зависим. Да и отвык он от матери, не знал, о чем с ней говорить. Пытался жить с Жанной, когда она вернулась из Италии, но через месяц сбежал к отцу.

- Доброе утро, - поприветствовала ее Мария.

- Салют, - отозвалась Жанна. Сбросив туфли, забралась на диван с ногами. В квартире она по-прежнему чувствовала себя как дома. Являлась часто и без предупреждения. Ела без спроса, будь то приготовленный поваром обед или колбаса из холодильника. - Вы, говорят, кухарку взяли? И где она?

- Повара, - поправила ее Мария. - Выйдет завтра.

- А я надеялась отведать ее стряпни. Ярик хвалит.

Парень, не отрывая взгляда от экрана смартфона, кивнул. А Мария не стала задерживаться в гостиной, отправилась в кухню, чтобы убрать продукты в холодильник.

Вчера они с Антоном обсуждали Жанну, вспоминали, какой она была. Так вот от той пухляшки с волнистыми каштановыми волосами ничего не осталось. Худая, грудастая брюнетка с точеными скулами и манящими губами была невероятно хороша собой, но похожа на многих. Фотографиями подобных тюнингованных девушек завален инстаграм. Правда, в отличие от них, Жанна сделал себе только грудь. Фигуру вылепила, занимаясь в зале. Скулы обозначились, когда она похудела на двадцать кило. Губы у нее всегда были пухлыми, их нужно было

только немного подкачать, чтобы стали выразительнее. Все эти перемены шли Жанне. Марии не нравились разве что ее волосы. Чернить, наращивать, выпрямлять... Зачем? Свои были красивее. Но те, мягкие завитки, не вписывались в новый образ сексуальной стервы.

Превращаться в нее Жанна начала сразу после родов. Отлучив сына от груди в полгода, она обнаружила, что та чудовищно растянулась. Зарядка и мази не помогли. Жанна уговорила мужа подарить ей новый бюст. Тот не отказал. Думал, она подтянет кожу и все. Но Жанна вставила себе импланты четвертого размера. Результатом осталась более чем довольна. Единственное, что ее не устраивало, это то, что грудь лежала на пухлом животике. Стоишь со втянутым – еще ничего, а как сядешь – она на складочку укладывается, и не производит эффекта. Пришлось худеть.

Когда Ярику исполнилось два года, Жанна вошла в желаемую форму. Достигнув стандартов модели «Плейбой», она вдруг поняла, что погрязла в быту, живет скучно, мало куда ходит, не блистает в обществе. Антон, что удивительно, ее понял, и не стал возражать против Жанниных выходов в свет. Пусть себе развлекается, что в этом плохого? Главное, чтоб не затянуло...

Но увы. Жанна нырнула в бурные тусовочные воды с головой. Ее болтало от модных показов до закрытых вечеринок. Она без счета тратила деньги на наряды и стилистов (без них она, как и раньше, одевалась нелепо), время – на подготовку к выходу и болтовне с подружками, нервные клетки – на переживания из-за сплетен или неудачных фото в светской хронике. Когда Антон высказывал недовольство этим, срывалась. Обвиняла мужа в том, что он хочет заточить ее в золотой клетке.

Угомонилась после того, как ее стилиста посадили за распространение наркотиков, а две приятельницы после этого легли в реабилитационные центры. Сама она была чиста, но боялась запятнать свое доброе имя и вызвать гнев мужа. Он ее как минимум устраивал, а, быть может, она его тогда еще любила. Хотя бы чуточку...

Антон обрадовался, что жена нагулялась, наигралась. Стал просить второго ребенка. Но не для того Жанна совершенствовала свое тело, чтобы снова дать ему расплыться. Да и не хотела она большую семью. Заботы с ней не оберешься!

Чтобы не заскучать, Жанна решила заняться образованием. Сначала думала восстановиться в институте, но потом плюнула на это. Зачем ей диплом менеджера? Работать она все равно не собирается. А вот знание итальянского пригодится. Жанна регулярно летала в Милан на шопинг, и с восхищением смотрела на тех дам, что объяснялись с консультантами и продавцами на их родном языке...

Так в ее жизни появился Петро.

Он был родом из крохотной Сиены. В Москве, где он работал по контракту, Петро чувствовал себя не в своей тарелке, терялся. Чтобы хоть как-то прижиться, стал искать общение с русскими. Лучшим поводом к знакомству и сближению были уроки итальянского. Петро давал их тем, кто был ему симпатичен. Оплату брал умеренную, потому что не ради денег преподавал.

Жанне он понравился не сразу. Невысокий, лысоватый, он сильно проигрывал внешне ее красавцу-мужу. И все же он чем-то ее зацепил. Стали дружить. Когда отношения преподавателя и ученицы изменились, Мария точно не знала. Догадывалась, что вскоре. Слишком плохо Жанна говорила по-итальянски для человека, занимающегося языком несколько раз в неделю.

Когда у Петро кончился контракт, он был вынужден вернуться в Италию. Жанна не смогла без него и, добившись развода, последовала за милым. Однако серьезных отношений не получилось: ни официальных, ни долгосрочных. Те, что смогли построить, продлились два с половиной года. Жанна вернулась в Россию, наверняка, думая о том, чтобы воссоединиться с брошенным супругом, но он неожиданно для всех женился во второй раз.

– Мань, у тебя есть пять минут? – донесся из гостиной голос Жанны.

– Сколько раз просить тебя не называть меня так, – проворчала Мария. Ее с детства называли полным именем, и она даже к Маше не привыкла. Соглашалась только на Мари Антона.

– Прости, прости, забыла. – Она зашла в кухню, босая, очень грациозная. У Жанны были красивые маленькие ножки, которые она переставляла, чуть вытягивая носок. В детстве занималась балетом, но мать решила, что дочь должна развиваться в другом направлении, и забрала ее из студии. – Ты в курсе,

что за дела с наследством?

- Нет, - коротко ответила Мария, сосредоточенная на сортировке продуктов.

- Почему?

- Это не мое дело.

- Да, но Антон с тобой многое обсуждает. Ты же его подружка... - Мария молчала. - Ярик, по-моему, чего-то не понял. Говорит, ему оставили какие-то медные тарелки.

- Семейную коллекцию бронзы. - Она обманула Жанну. Знала, что за дела с наследством. Антон, как дружок, рассказал.

- На черта она ему?

- Это и память о предках, и удачное вложение денег. Коллекция дорогая, но с каждым годом ее ценность увеличивается. К моменту, когда Ярославу исполнится восемнадцать, и он сможет ее получить, она вырастет в цене, как минимум, на десять процентов.

- Ты ее видела? - заинтересовалась Жанна.

- Часть ее. Мама Антона держала любимые вещи в серванте, и гости дома могли их рассматривать. Меня завораживали китайские чайнички и пиалы. Они были крохотные, изящные, будто кукольные.

- А что получил Антон?

- Спроси у него.

- Хотела, но он не стал со мной разговаривать, бросил трубку. Пришлось ехать сюда. Но Антошки не застала.

- Ты извини, мне нужно поведать Василия Ивановича.

Мария быстро ушла с кухни.

Отца Антона она застала в любимом кресле-качалке. С недавних пор Василий Иванович начал сидеть в ней. Тело его пристегивали ремнем, чтобы старик не выпал, и он с удовольствием проводил в кресле время. Мог просто в окно смотреть, слушать радио (телевизор с недавних пор презирал), а сегодня читал журнал. Тот самый, про танки. Он лежал на приставном столике, Василий Иванович листал страницы действующей рукой.

– Доброе утро, – поприветствовала его Мария.

Старик поднял глаза и улыбнулся ей ими. Молодые, яркие, они контрастировали с бледным безжизненным лицом.

– Как вы себя чувствуете?

Старик закивал. Это означало «хорошо».

– И выглядите неплохо. – Хотелось добавить: «Для человека, который вчера терял сознание». – Через полчаса придет Владимир, – так звали физиотерапевта Рыжова-старшего. Тот сморщился. Не любил заниматься. Хотел, чтоб его оставили в покое. – Надо, Василий Иванович, надо. У вас такой прогресс наметился.

Старик указал на кнопку в стене, ею он вызывал Гулю. Мария нажала ее.

Василий Иванович закрыл журнал, посмотрел в окно, за которым капал дождь. Его зеленые глаза изменили цвет на болотный. Крокодил завещал брату книги. Целых триста штук. Нераспроданный тираж своей биографии. Хотел еще раз сделать ему больно. Посмертно.

Антон получил от дяди семейные архивы: фото, дедовы записи, награды, партбилет. Еще пару картин, подлинников, с советской тематикой. На одной Ленин, на другой рабочие на митинге. И этот жест тоже должен был разозлить брата, а не племянника. Крокодил называл отца оголтелым комунякой не просто так, вот доказательства.

Что же касается имущества, то его Геннадий отписал кому-то другому. И свое, и родительское. Отдал чужим, лишь бы досадить брату. За что он так его ненавидел, Мария не знала. Но причина наверняка была, потому что на одном дурном характере так далеко в своей антипатии не уедешь.

Прибежала Гуля. От нее пахло табаком. Опять курила в зимнем саду с Санти? Кого на этот раз обсудили? Скорее всего, Жанну. Она обеим не нравилась, но горничной больше. И это объяснимо: Санти души не чаяла в нынешней супруге Антона, а в бывшей видела угрозу. Зачем она постоянно таскается в дом? Проведать сына? Да не смешите! Плевать ей на парня. А на бывшего мужа нет. Так и думает, как его обратно вернуть. Чуть что, звонит. Даже по пустякам. И все к себе загород заманивает. Якобы за помощью обращается. С канализацией проблема, Жанна Антона зовет. И он едет, потому что не может отказать матери своего сына. Тем более Ярик тоже в доме бывает, особенно часто летом, в жару.

Мария покинула комнату Василия Ивановича, переделалась в кладовой-гладильной-раздевалке, в общем, бытовом помещении. То была большая комната, переделанная из гардеробной Жанны. Антону и его супруге она не требовалась, их вещи умещались в обычных шкафах-купе.

Когда Мария вышла, услышала звонок. Причем дверной. Решила, что это Владимир, которого в подъезд впустил консьерж. Но, когда открыла, увидела не физиотерапевта, а незнакомую женщину.

– Здравствуйте, я из полиции. Капитан Утесова. – И продемонстрировала корочки.

– Доброе утро... Или не совсем, раз к нам явилась полиция?

– Могу войти?

– Да, конечно. – Мария посторонилась, впуская Утесову. На вид той было около тридцати, среднего роста, стройная. Длинные темные волосы стянуты на затылке. Глаза серые, большие. На прямом носу веснушки. Симпатичная, но очень серьезная.

– Вы супруга Антона Васильевича Рыжова?

- Нет, я домоправительница. Меня зовут Марией.

- Хозяина дома нет?

- На работе. - Она провела капитана в гостиную. В ней вяло прибиралась Санти. Увидев незнакомку, отложила тряпку и с любопытством на нее воззрилась. Мария представила ее капитану: - Наша горничная, Санти.

- Давно вы здесь работаете? - обратилась к ней Утесова.

- Почти два года. А вы кто?

- Из полиции, - и снова сверкнула корочкой. - Значит, вы хорошо знакомы с Глебом Куликом?

- Не очень. Мы почти не общались. Он считал меня не своего поля ягодой.

- А вас? - капитан обратилась к Марии.

- Ее тоже, - ответила за нее Санти. - Он донельзя высокомерный. Мнит себя гением кулинарии. Дипломы, что получил во Франции и Мальте, в кухне вешал, когда тут работал. Была у него еще полка для наградных статуэток. На равных Глеб только с хозяевами общался. А мы все для него были челядью.

- Это правда? - уточнила Утесова у Марии.

- Санти преувеличивает. Хотя про дипломы - чистая правда.

- То есть вы с ним ладили?

- Нет. Я контролировала его или, как считал Глеб, вставляла ему палки в колеса.

- Каким образом?

- Сама делала закупки продуктов, составляла меню, учитывая вкусы хозяев, а не полет фантазий повара.

- Когда он был здесь в последний раз?

- Две недели назад, кажется.

- Без одного дня, - внесла уточнение Санти. - В позапрошлом воскресенье он готовил закуски для фуршета, который Антон устроил для приятелей из своего клуба. - Он играл в сквош. В Пакистане это был очень популярный вид спорта, и Рыжов увлекся им еще в детстве. - Глеб хозяину не угодил. Пропустил мимо ушей информацию о том, что среди гостей аллергик, и нельзя использовать арахис. Антон после приема его отчитал. Сказал, что шеф стал работать из рук вон плохо. Предположил, что тот снова запил.

- И уволил его?

- Эти слова не прозвучали, - ответила ей Мария. - Но намекнул, что сделал уже три китайских предупреждения, а это предел. Больше мы Глеба не видели.

- Вас это не удивило?

- Решили, что он запил. Я оставляла ему сообщение, просила явиться, чтобы написать заявление по собственному (Антон не хотел увольнять по статье, он добрый) и получить расчёт.

- Еще забрать свои драгоценные дипломы, - снова встряла Санти. Многие люди с дефектами речи предпочитают больше помалкивать, но только не она. - Мы сняли их со стены, сложили в пакет.

- А статуэтки?

- Глеб их давно забрал. Жиром покрывались, тускнели. Теряли нарядный вид в общем, а этого он потерпеть не мог.

- Была среди них эта? - Утесова достала планшет и показала фото: земной шар на подставке в форме поварского колпака. На нем гравировка.

- Он ею особенно гордился. Дали за первое место в каком-то мировом конкурсе.

- Глеб что-то натворил? – спросила Мария.

- Он умер, – буднично ответила Утесова.

- Раз его кончиной занимается полиция, делаем вывод, что не своей смертью?

- Да, его убили. Размозжили череп.

- Какой кошмар, – ахнула Мария.

- Да. Крови было много. Но хуже другое, труп Глеба пять дней пролежал в квартире. Соседи позвонили 112, когда начали задыхаться от смрада. Дни жаркие стояли, сами понимаете.

- За что его?

- Выясняем.

- Ограбили?

- И это тоже. Никто из вас не был у Глеба в гостях?

Женщины синхронно покачали головами.

- Знаете что-то о его личной жизни? Тоже нет? Может кто-то из обитателей этой квартиры?

- Я тут не обитаю, но знаю, – послышалось из коридора. Мария уже и забыла, что Жанна здесь. – Здравствуйте, я слышала ваш разговор. – Она подошла к полицейской, представилась. – Жанна Рыжова, экс-супруга Антона. Это я брала Кулика на работу. – Интересной фамилией Глеб был обязан происхождению, он родился в Белоруссии, где до сих пор обитали все его родственники. – До этого он был шефом в одном изысканном ресторане, куда я часто ходила. Там заказывала только авторские блюда от Глеба Кулика. Балдела от них. И очень хотела есть их каждый день. Поэтому стала переманивать Глеба к себе. Но он отказывался до тех пор, пока не рассорился с владельцем и не был изгнан с поста шефа. Сыр-бор разгорелся из-за дочки хозяина. У Глеба с ней роман

приключился, и это не понравилось папе. Для девушки повар, пусть и экстра-класса, не являлся достойной партией. Ко всему, он был вдвое старше.

- Чем закончилась эта история?

- Да ничем. Встречались тайно какое-то время. Но девушку отец отправил в Англию, там ее быстро замуж выдал. Глеб ждал возвращения возлюбленной, но ее все устроило: и муж, и ее новое положение, и заграница. А повар мой тогда впервые забухал. Но быстро себя в руки взял, бросил пить, причем сам. Однако в женщинах разочаровался на всю жизнь. От отношений бежал и, как мне кажется, даже сексом не занимался.

- С чего вы это решили?

- Глебушка симпатичным мужиком был. И стройным, что редкость для повара. К нему многие мои приятельницы подкатывали. Но он никому... скажем так, не дал сорвать свой цветочек.

- Может, не для них рос?

- Если вы намекаете на то, что Глеб, разочаровавшись в женщинах, сменил ориентацию, то нет. Голубые братья тоже к нему подкатывали.

Полицейская осмотрелась. Прикинула размер квартиры. Поняла, что она даже больше, чем на первый взгляд.

- С кем я еще могу поговорить о покойном? - Жанна пожала плечами. -
Нынешняя супруга Антона Васильевича дома?

- Экзотическая игрушка, привезённая из Пакистана? - Хохотнула бывшая, чем разозлила Санти. Она так и полыхнула взглядом. - Где ж ей быть? Сидит в комнате у себя. Только вам с ней поговорить не удастся. Она по-русски не бельмеса.

- Я знаю английский.

– А она нет. Говорит на каком-то странном диалекте и немного понимает основной язык Пакистана урду. Поэтому общается лишь с мужем и горничной.

– Вы знаете урду? – подивилась капитан.

– Немного, – ответила Санти, вопрос арестовывался ей. – Мама научила. Она девочкой жила на территории современного Пакистана. После раздела Британской Индии ее семья, придерживающаяся индуизма, была вынуждена переехать. Мама освоила хинди и английский. Это помогло ей найти хорошее место.

– В общем, новоявленная госпожа Рыжова вам ничем не поможет, – прервала горничную Жанна. Ей не нравилось, когда кто-то переключал внимание на себя, а тем более прислуга. – Как и отец Антона. Он паралитик.

– Единственный, кто может что-то добавить к тому, что сказала Жанна, это Владимир, – встряла Санти.

– Кто он?

– Физиотерапевт Василия Ивановича. Он частенько обедает тут, но ест не в столовой, а в кухне. Мужчины болтали друг с другом, много смеялись. Они были на одной волне.

– Уж такой Вовчик человек, – хмыкнула Жанна. – Ловит любую. Серфингист, елки-палки.

Тот на самом деле находил подход к каждому человеку. С ним и Василий Иванович вел себя сносно, а ведь именно из-за действий Владимира он больше всего мучился, и Ярик его считал своим в доску, и жена Антона позволяла массировать себе ноги, тогда как остальных мужчин (за исключением мужа, естественно) к себе не подпускала, да и от женщин держалась подальше. Ей были неприятны самые невинные прикосновения.

– Где я могу найти этого Владимира?

– Он будет с минуты на минуту.

И тут раздался звонок. Мария поспешила открыть.

Это был действительно Владимир. Чуть выше среднего роста, коренастый, с жидкими, но покрывающими всю макушку волосами. Над ушами и на затылке они чуть вились. Как у тетки, маленького Володи Ульянова, Ленина. Мария была октябренок, видела его на звездочке. Мужчину можно было назвать невзрачным, если бы не его улыбка. Появляясь, она озаряла его лицо. Даже если Володя был в медицинской маске, все равно. Глаза лучились, их уголки поднимались вверх, и взгляд становился задорным, чуть лукавым.

Переступая через порог, Володя улыбался во весь рот. Видна была золотая коронка на шестерке. Единственная. У него были великолепные зубы, а этот он сломал в студенчестве, когда открывал ими бутылку пива.

- Доброе утро, драгоценная Мария. Как же я рад вас видеть!

- Это взаимно, Володя. Но у меня для вас скорбная новость. Умер Глеб.

- Кулик? - улыбка на губах осталась, а в глазах потухла. - Что с ним случилось? Пьяным за руль сел? Он такое пару раз проделывал.

- Его убили, и сейчас у нас полиция. Пойдемте скорее, с вами хотят поговорить.

Лицо Владимира стало серьезным и непривлекательным. Без улыбки его рот обмякал, и губы становились похожими на два переваренных вареника.

Мария проводила его в гостиную, познакомила с Утесовой, которую звали Варварой, она успела прочесть имя на документе.

- Мы не дружили, - ответил Владимир на ее первый вопрос: «В каких вы были отношениях с покойным?» - Но иногда пересекались за стенами этого дома. Не договариваясь, встречались в магазине виниловых проигрывателей и грампластинок «Мелодия». Вы не помните, слишком молоды, но когда-то так называлась всесоюзная фирма звукозаписи...

- Знаю. В доме родителей до сих пор хранятся пластинки Высоцкого. Папа его большой поклонник.

- У меня есть с автографом Владимира Семеновича.

- У Глеба тоже имелись редкие пластинки?

- Мою редкой не назовешь. Высоцкий жил и творил не так давно, активно записывался и выступал, так что у многих есть пластинки с его автографом. Глеб же гонялся за Вертинским. Но покупал и Утесова, и Русланову. Его коллекция была значительно ценнее моей.

- Вы видели ее? - Варвара сделала пометку в блокноте, который достала, едва зайдя в гостиную. То есть делала записи по старинке, хотя под рукой имелся и планшет, не говоря о телефоне.

- Дома у него я не был, так что только на фото.

- Могли Глеба из-за нее убить?

- Нет, что вы! Материальная ценность коллекции не велика. Тысяч двести от силы. У Глеба часы почти столько стоили. Ему их подарил какой-то французский политик. Не пропали, кстати?

- «Ролекс»?

- Да, с гравировкой.

- Были на руке покойного. Он в момент смерти вообще был при параде: выбрит, надушен, облачен в костюм.

- Вы же говорили, труп пролежал в квартире неделю, - напомнила Санти. - Откуда вы знаете, чем он пах в момент смерти?

- На одежде остался аромат одеколона «Живанши». На коже лица - мелкие порезы от бритвы. Глеб либо собирался куда-то, либо ждал гостей. Скорее, последнее.

- Его убили призовой статуэткой, да? - догадалась Жанна.

- На ней найдены следы крови и волос.

- Как иронично, - пробормотала она.

- Что, простите?

- Глеб часто говорил, что хотел бы забрать с собой на тот свет награды... А получилось, одна из них забрала туда его самого.

- Любите черный юмор?

- Им я маскирую печаль, - ответила на это Жанна. - Мне жаль Глеба. Может, он и не был душкой, но никому ничего плохого не делал. А уж как готовил...

- Кто его мог убить, как думаете?

- Собутыльник? Я не знаю, с кем он пил. Не один же, наверняка.

- Тогда это женщина, - предположил Владимир. - Раз Глеб был при параде.

- Нет, пил он один. Об этом говорят грязная посуда и содержимое мусорного ведра. Нет и посторонних отпечатков. Такое ощущение, что Кулик никого не пускал на порог своей квартиры.

- Тогда зачем вы спрашивали, не был ли кто у него в гостях? - насторожился Владимир. - Думали, кто-то скажет, что был, а вы тут его и поймаете? Отпечатков нет, значит затер или в перчатках действовал? И тут же вывод: злоумышленник.

- Убийца, судя по всему, на самом деле был в перчатках. Его впустили, так как замок не вскрыт. И квартиру он покинул через дверь. Она без защелки, так что убийца ее просто плотно закрыл.

- И в дом никто не вломился за пять дней? Надо же! Глеб говорил, что живет чуть ли не в трущобах.

– В обычном рабочем районе. Правда, дом стоит не в лучшем месте и выглядит печально. Основная масса жильцов – труженики фабрики или их наследники. Выпивают многие, иногда затевают драки, но конфликты обычно решают самостоятельно. Уровень криминала по району невысокий.

– Если воняло, почему соседи сразу не вломились? – задала резонный вопрос Жанна.

– Кулик иногда готовил на своей кухне экзотические блюда. Ароматы были не всегда приятными. Соседи звонили, чтобы поругаться, им не открывали. Орали через дверь. Так и в этот раз.

Мария дивилась откровенности товарища капитана. Неужели информация, которой она делится, не является тайной следствия? Но даже если так, странно, что Утесова перед ними распинается. Так думала Мария до тех пор, пока не обратила внимание на цепкость ее взгляда. Варвара сканирует их лица. Она выдает какой-то факт и отслеживает реакцию на него каждого свидетеля. Пока нервозность проявил только Владимир. Но это по мнению Марии, а она не была хорошим физиономистом.

– У вас ко мне больше нет вопросов? – обратился к полицейской Вова. – А то мне работать надо.

– Пока нет.

Доктор удалился в комнату Василия Ивановича, а Утесова попросила показать ей дипломы Кулика и другие вещи, ему принадлежащие.

Мария повела ее в бытовое помещение. В нем у Кулика был свой шкаф. У нее тоже. Остальная прислуга переодевалась в других местах: Гуля и Санти у себя в комнате, Ильджас в саду, приходящая горничная форму не носила, уборку делала в спортивном костюме, а личные вещи оставляла в прихожей.

Капитан Утесова натянула на руки медицинские перчатки, после чего открыла дверку. На обратной стороне красовалась приклеенная скотчем фотография. На ней улыбающийся Глеб стоял рядом с пожилым мужчиной в высоком колпаке.

– Кто это?

– Поль Бокюз, знаменитейший шеф-повар. Обладатель «Ордена почетного легиона» и трех звезд Мишлена. Кумир Глеба.

– Я слышала о премии «Золотой Бокюз».

– Он ее основал.

– Глеб брал ее?

– Только мечтал. Но на каком-то мероприятии все же смог познакомиться с Бокюзом.

Варвара осмотрела содержимое шкафа. На верхней полке антиперспирант, детский крем, мазь от ожогов и мятный спрей для рта. На той, что ниже две футболки. Одна чистая, вторая вонючая, скомканная. На кронштейне висят кофта и непромокаемая куртка. Поварского кителя нет, зато имеется фартук. Он тоже нечист и валяется на полу, рядом с кроксами. Варвара подняла его. Из кармана вывалилась бумажка. Сильно, если не сказать яростно, смятая. Капитан Утесова аккуратно ее развернула. На белом листе красными печатными буквами, судя по всему через трафарет, было написано: «Если осуществишь задуманное – УМРЕШЬ!»

Глава 5

На службу она ездила на старом «Рено». Страшненьком, но надежном. Его еще французы собирали, а поддерживал в надлежащей форме отец-автомеханик. Варвара и сама в машинах разбиралась, могла их починить, но на это у нее времени не было. А папа всегда его находил для ласточек, своих и дочки. После работы шел в гараж и ковырялся то в одной, то в другой, то в третьей. Четвертую не трогал – ею был спортивный «Мустанг» дочери, и его обслуживанием занимался фирменный центр.

Эта тачка была давней мечтой Вари. Несбыточной, как ей виделось. Откуда взяться миллионам, если ее родители небогаты, а она мент. «Рено» ей отец подарил на двадцатилетие, и девушка думала, что в лучшем случае лет через десять поменяет его на «Ниссан» или «Фольксваген». Если дела пойдут очень хорошо, на чуть подержанную «бэу».

Но в двадцать четыре года она стала счастливой обладательницей «Мустанга». Его ей подарил жених. Мог себе это позволить.

Они вместе учились в институте. Он – на экономиста, Варя – на юриста. Она не прогуливала лекций, читала дополнительную литературу, посещала семинары... Вкалывала! Он же мало уделял внимания занятиям. Мог проспять пары, забыть о курсовой. И все равно умудрялся успевать. Его всегда допускали к экзаменам, и принимали их даже те, кто заваливал чуть ли не всю группу. За это сокурсники дали ему кличку Лафа. Хотя не только удача помогала парню. Он был невероятно умен, все схватывал на лету, мог быстро читать, умножать трехзначные числа в уме, как и решать экономические задачи. Когда Варя не знала его хорошо, думала, он платит преподам. Но у Лафы не было на это денег. Он приехал из села, поступил на бюджет, поселился в общежитии и стал владеть жизнью бедного студента.

Познакомились ребята на вечеринке. Лафа сразу проявил к Варе симпатию, но она на нее не ответила. Наслышана была о феноменальном студенте, и имела о нем свое представление. Как потом оказалось, неверное. Отношения между ними завязались спустя полгода и все благодаря «Рено». Лафа куда-то опаздывал, Варя согласилась его подвезти, машина заглохла в лесу, и они просидела в ней четыре часа. Девушка тогда выяснила, что Лафа за город ехал не развлекаться, а работать – рыть траншею под канализационные трубы, а он узнал о ее хрустальной мечте иметь «Мустанг».

Получив дипломы бакалавров, молодые люди устроились на работу. Варя в полицию (учиться она продолжала, но уже заочно), а Лафа в букмекерскую контору помощником бухгалтера. Оба получали гроши, но были счастливы. Жили у Вари. Родители выделили им комнату и полку в холодильнике – решили, что дети сами должны вести хозяйство. Правда, все равно подкармливали их супом да домашними пельмешками, чтоб те желудки не испортили бутербродами да роллами из «Якитории».

Так прошел год. Варя уже строила планы на будущее: как они поженятся, снимут свое жилье, обставят его. Заглядывая дальше, видела первого ребенка, квартиру, взятую в ипотеку, новую машину, выплату кредита, второго ребенка. В воображении Вари ее семья была дружной, но небогатой. Традиционной, если можно так сказать. Но Лафа мечтал о другом: красивой, насыщенной жизни преуспевающего, но не погрязшего в работе и быту человека. В ней было место и Варе, и их будущим детям, но он не видел их в декорациях квартиры эконом-класса, взятой в кредит на двадцать лет. Лафа не хотел, чтобы его жена работала в ментовке, ездила на «Рено», а пусть бы и на «Фольксвагене», водила ребятишек в обычную школу и лечила их в районной поликлинике. Поэтому первоочередной задачей для него было выбиться в люди.

Естественно, у Лафы получилось. Счастливчик с блестящим умом не долго прозябал в помощниках бухгалтера. Чудом устроился в крупную инвестиционную компанию на должность офис-менеджера, но быстро поднялся до заместителя начальника отдела. Параллельно он вкладывал свои деньги в ценные бумаги, играл на бирже. В двадцать четыре сорвал большой куш, провернув рискованную операцию. Варя предполагала, что жених (они так и не заключили брак, хоть помолвка и была) купит квартиру. На окраине, маленькую, зато свою. Или вложит деньги в строительство. Но нет, Лафа подарил ей автомобиль мечты.

Жест красивый, что не говори, но... такой глупый! У них ни кола, ни двора... ни гаража, ни выкупленного парковочного места. «Мустанг» из другой жизни, той, о которой пока только мечтал Лафа.

- Надо наслаждаться моментом, - говорил он. - Кайфовать, исполнять мечты.

- И жить на чужой площади?

- Почему нет? За границей многие так делают.

- Но мы в России. Тут все хотят иметь свой угол.

- Вот пусть этим углом и довольствуются. А мы с тобой будем жить в хоромах. И купим их обязательно, потому что я планирую стать очень богатым.

Лафа зарабатывал все больше, но и тратил соответственно. Рестораны, что он посещал, стали дороже, как и магазины, спа-центры, салоны, будь то парикмахерские или автомобильные. Варю он всегда звал с собой, готов был оплачивать ее красоту, досуг, но она служила в полиции, ей не нужны были брендовые шмотки, украшения, ламинированные волосы и ресницы, а машина мечты уже имелась, жаль гонять на ней редко получалось. Походам в ресторан или на прием Варвара предпочитала посиделки на кухне. Любила бывать у родителей, друзей детства, коллег. С последними пила недорогую водку, уплетала макароны с сосисками, и чувствовала себя значительно лучше, чем в авторском ресторане с бокалом Пино-гриджо. Лафа много путешествовал. При любом удобном случае улетал за границу. Мог на пару дней сорваться в Прагу попить пива или в Марсель поесть буйабес. Варя не могла составить жениху компанию, она была невыездной. Вместе они отдыхали только в Сочи или Светлогорске. Лафе это не нравилось, он уговаривал Варвару уволиться из органов. Он не понимал, что ее там держит. Ни денег, ни уважения, ни времени свободного, из бонусов только ранняя пенсия. Но пока доживешь до нее, все нервные клетки истратишь. Варя пыталась объяснить, что для нее кайф – это работа. Именно эта, тяжелая, плохо оплачиваемая, а не какая-то другая. Да и не всегда она будет такой. Получив высокое звание, засядет в кабинете, прибавку к жалованию получит. Квартиру тоже, возможно, дадут. А то они все по съемным, пусть уже и шикарным.

Шло время. Им обоим исполнилось по двадцать семь. К этому возрасту Варя в своих мечтах была уже мамой. А Лафа говорил, что рано детей заводить, нужно еще пожить для себя.

– А для кого ребенок? Не для нас разве? – недоумевала Варя.

– Это такая ответственность. Я пока не готов брать ее на себя. Давай покайфуюем еще.

Но проблема была в том, что кайфовали они от разного. Лафа упивался финансовой свободой, использовал каждую открывшуюся возможность сделать жизнь ярче. Он посещал все парки, аттракционы, пробовал новые блюда, экспериментировал со стилем. Его поездки стали более экзотическими. Пиво в Чехии и рыбный суп во Франции уже не манили. Хотелось кататься на гигантских черепахах, есть рыбу фугу, бывать в гостях у диких племен. Варвара же стремилась к спокойной размеренной жизни. Но готова была к компромиссу. Веди Лафа себя иначе, она ушла бы из органов. Устроилась бы на спокойную

работу юридического консультанта или вместе с отцом открыла автомастерскую. Стала бы преданной женой, хорошей матерью, хранительницей очага. А пар выпускала бы, гоняя на «Мустанге» по автодрому. Но Лафе нужна была женщина, которая разделит все его увлечения...

И он такую нашел. Познакомился с тревел-блогером, экстремалкой и просто красавицей. Но от Вари не ушел. Все еще любил, пусть и по-своему, уважал и был признателен. Она, москвичка, привела в дом нищего провинциала, ни разу его не попрекнула этим, более того, не оборзела, когда он разбогател. Варя, естественно, узнала о любовнице. Трудно оставаться в неведении, если та пишет и звонит вечерами, выкладывает совместные фотографии, намеренно оставляет в его машине «улики».

Борись за него, твердили все. Где ты еще такого найдешь?

- А мне нужен другой, - отвечала она. - Такой же, как я. Обычный.

Даже мама крутила пальцем у виска, когда это слышала. В стране дефицит нормальных мужиков, а дочка отказывается от потрясающего.

Естественно, Варя не сразу приняла решение расстаться. Долго думала над ним. Она была в отношениях треть жизни, сможет ли без них? Другого мужчину она найдет не скоро, если это вообще произойдет. Мама очень в этом сомневалась, потому что Варе уже под тридцать, а с этой собачьей работой даже знакомиться некогда. Точку в размышлениях поставил поступок Лафы. Он сообщил невесте, что намеревается уехать на Бали на два месяца и отметить там и Новый год, и рождество, и день рождения.

- А еще день святого Валентина? - спросила Варя. Она понимала, что летит он не один, а со своей блогершей.

- Ты же знаешь, я не считаю его праздником. Но если ты отправишься со мной, отметим.

- Знаешь же, что не смогу. Даже если уволюсь, подписка о невыезде сохранится еще какое-то время.

– Я тебе предлагал сделать это три года назад. Но ты упрямисься. В итоге я живу не так, как мечтал. Дышу, но будто в противогазе.

– Я как старый чемодан без ручки, да? Нести тяжело, а бросить жалко?

– Ты моя женщина, с которой всю труднее быть рядом.

– Бросай меня, Леша, – она называла его по имени только в самые серьезные моменты. Обычно Лафой. – Дыши полной грудью.

– Нет. Я вернусь, и мы вместе придумаем, как жить дальше.

– Я знаю о твоей девушке. Как и о том, что вы летите вместе, – она не блефовала. Проверила список вылетающих в Индонезию пассажиров. – Давай не будем откладывать на потом?

Лафа согласился. Оправдываться не стал. Наверное, почувствовал облегчение. Не он бросил, значит, не подлец. Всем можно сказать, расстались по обоюдному желанию.

Он собрал вещи и ушел. Утром прислал сообщение. В нем следующее: «Квартира оплачена до лета. Живи в ней. И умоляю, не возвращай подарки!» Но Варя и не собиралась. Телефоном, планшетом, макбуком она пользуется. Дорогие побрякушки ей ни к чему, все равно не носит, но можно продать. А «Мустанг» она бы не отдала, даже если бы Лафа потребовал. И плевать на то, что его содержание пробьет брешь в ее бюджете.

Первый месяц без Лафы дался легко. Бодрила мысль «я все сделала правильно», а годовой отчет не давал отвлекаться на душевные терзания. Поплыла Варя в Новый год. И ладно бы дежурила в ночь, так нет. Получила выходной, и, отмечая у родителей, расплакалась. Впервые за долгое время она встречала любимый праздник без Лафы, да еще в квартире, в которой они жили по-настоящему счастливо.

Мама твердила, надо мириться.

– Падай в ноги, – говорила она. – Проси вернуться! Соглашайся на любые условия.

– У него другая.

– Раз отпустила к ней, отбивай.

– Похоже, он с ней счастлив, – и она показывала фотографии из профиля блогерши. На них та обнималась с Лафой на пляже. Оба были загорелые, полуголые и в шапочках Санты.

Бывший, надо отдать ему должное, всю семью Утесовых поздравил с Новым годом в смс. Отправил каждому. Не забыл про рождество и прочие праздники. Варвара и мама ему отвечали, отец нет. Ему Лафа не нравился. Он считал его помойным котом, чудом попавшим к хорошей хозяйке и обнаглевшим настолько, что рыбы потроха для него уже не еда, подавай кролика в сметане.

Лафа вернулся в самом начале марта. Варя узнала об этом из того же инстаграма. Зарекалась не заходить на страницу блогерши, но бесы путали. Восьмого прислал дежурное сообщение. Она ответила таким же дежурным «спасибо».

Позвонил Лафа в мае. Предложил встретиться. Варя согласилась.

Пересеклись в кафе у дома.

– Отлично выглядишь, – сказал он.

– Ты тоже, – ответила она.

Замолчали. Обоим было неловко. Но Лафе особенно, все же он чувствовал вину перед Варей. А выглядел он на самом деле отлично: похудел, загорел, отпустил волосы. Стал похож на австралийского серфера.

Они решили вопрос с квартирой, Варя изъявила желание съехать. Квартира была слишком большой для нее и находилась далеко от работы. Жаль было только парковочное место в подземном гараже. Теперь придется искать новое, да еще и

платить за него.

В конце мая она переехала к родителям. Ключи от съемной квартиры отдала Лафе. В этот раз он приехал не один, а со своей пассией. Как поняла Варя, та на этом настояла. Хотела убедиться в том, что бывшая сваливает? Быть может. Эта девушка мало волновала Варю. Но ее порадовало, что в жизни она не так прекрасна, как на фото профиля.

С тех пор прошло два года. У Вари появилась наконец своя квартира. Купить ее помогли родители и МВД, дав беспроцентную ссуду. Но и Лафе за это можно было спасибо сказать, пока она жила с ним, свою зарплату почти не тратила, переводила в валюту и копила.

Замуж Варя так и не вышла. Но в отношения вступила. Избранником ее стал коллега-следователь. Она думала, что это здорово, когда людей объединяет общее дело, оказалось, не так. Они тянули свои рабочие проблемы в дом, обсуждали их за ужином, а поскольку имели общих друзей, то отвлекаться не получалось вовсе.

– Мы с тобой кореша, которые еще и спят вместе, – озвучила свои мысли Варя за ужином, посвященным месячному «юбилею» совместной жизни. Она не то чтобы насовсем переехала к избраннику, но личные вещи перевезла и купила в дом новое белье и полотенца.

– Разве это плохо?

– Нет. Но и не хорошо.

– А меня это устраивает. Мы друг друга понимаем. И в сексе у нас гармония. Жениться надо на друзьях. Хочешь, сделаем это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/olga-volodarskaya/nerasskazannaya-skazka-shaherezady>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)